

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Институт философии

Выпускная квалификационная работа на тему:

Неклассическая эпистемология вещи как метафизический проект

По направлению – 47.04.01 «Философия»

Профиль – «теоретико-методологический»

Рецензент:

степень, должность

ФИО

_____ (подпись)

Выполнила: студентка

Делиева Т.А.

_____ (подпись)

Научный руководитель:

д. филос. н.,

доц.

Шиповалова

Л.В.

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Вещь в горизонте философского вытеснения.....	
Глава II. Апология вещественного.....	
§1. Альтернативные подходы к вещи в философии.....	
30	
1. Хайдеггер.....	30
2. Бодрийяр.....	32
3. Делёз.....	34
4. Подорога.....	36
§2. Вещь в социологии.....	40
2.1. Социология социального.....	41
2.2. Микросоциология. Материальный и практический повороты.....	46
2.3. Акторно-сетевая теория.....	57
Заключение.....	76
Список использованной литературы.....	80

Введение

Философия позиционирует себя как науку о всеобщем и единичном. Однако реалии современной жизни таковы, что всеобщим в двадцатом веке стала повседневность, а единичным – вещи. Но философия традиционно не замечает вещей, предпочитая им вечные и нематериальные идеи. Вещь - отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования¹ - обычно находится на периферии метафизической концептуализации. Разнообразная и многочисленная, материальная и преходящая вещь является маргинальным понятием метафизики – мышления, сводящего множественность мира к единому нефизическому основанию. Стремясь наиболее полно объяснить многообразие вещей исходя из идеального, классическая философия неизбежно становится редуccionной и элиминативной по отношению к вещи.

Забвение вещи в философии не обходится без последствий. Невнимание к физическим объектам неизменно соседствует с пренебрежением деталями и фактами, в результате которого философия теряет связь с реальной сложностью мира и постепенно сворачивается в стереотип. Вещь и тесно связанные с ней телесность с повседневностью являются необходимыми противовесами идеалистического мышления, не дающему ему скатиться в слепое фантазирование и солипсизм. Вещь сдерживает генерализирующее философское мышление. Её статус показывает, насколько метафизическая система является гибкой и чувствительной к противоречащим фактам. В

---

¹ Философский словарь под ред. Г. Шишкоффа, стр. 74

своем неподдающемся обобщению разнообразию, вещь играет роль значимого противоречия абстрактному знанию, без учета которого его развития невозможно.

Вещь значима не только для гносеологии, но и для этики. Нравственное действие не может не учитывать контекст повседневности и свои инструменты, которые часто являются вещественными. Вещи наравне с людьми участвуют в нравственном становлении личности, сдерживают наше поведение и указывают, как следуют себя вести. Как и в теории познания, контрадикторное и возражающее место вещи часто занимает противоположная нам и нередуцируемая до общих схем инаковость другого человека. Вещь – это радикальный Другой человечества. В обращении с вещами и общении с другими людьми можно распознать тождество феноменологических схем. Актуальная в прошлом и настоящем столетии тематика Другого не может обходиться без мышления о вещи.

Помимо важных гносеологических и этических коннотаций, вещь не обделена экзистенциальной релевантностью. Когда забывают сиюминутное, преходящее и незначительное, когда предпочитают вечность моменту, неизбежно страдает человеческая экзистенция. Говоря о своем присутствии и переживании мира, мы не можем безболезненно для себя пренебречь вещами. Забвение вещи оборачивается забвением Dasein, а после забвения последнего недалеко до забвения бытия и самой метафизики.

Таким образом, вещь не только тесно связана с теорией познания, онтологией и этикой, но и самим существованием философии как дисциплины. Вещественное – необходимый противовес идеального, в напряжении между которыми разворачивается философское речь. Поэтому профессиональное философствование не может обойтись без своей пограничной, отрицаемой и просто забытой темы – вещи.

В связи с этим современный философский дискурс должен быть дополнен специальным изучением вещественного. Одна из самых интересных

тематизаций вещи происходит сегодня в социологии, в акторно-сетевой теории в частности. АСТ относится к так называемым неклассическим эпистемологиям², отличительными чертами которых являются отказ от абсолютизма и субъекцентризма, свойственные традиционной метафизике. Отход от человеческого сознания как единственного источника истины и науки как привилегированной познавательной деятельности позволил новым теоретикам материального рассматривать вещи, или не-человеков, как равных коммуникативных партнеров, наделять вещи способностью действовать, мыслить и чувствовать. Благодаря эпистемологии, развиваемой внутри акторно-сетевой теории, вещи выходят из тени идеализма, обретают свой голос и становятся полноправными акторами.

Освобождение не-человеков стало коперниканской революцией общественных наук: люди перестали быть единственным центром социологии. Социальное перестало быть свойством человеческого, а стало свойством любых объединений, или сетей. Если социология перестает быть наукой об обществе и становится исследованием связей реальности, то она постепенно превращается в метафизику и стремится занять былое место философии как синтетического проекта, венчающего любое человеческое знание. При этом генерализационная линия в социологии не противоречит свободе вещи.

В современной социологии происходит много дискуссий и процессов, сближающих её с философией. Социология становится одной из форм сохранения философского мышления, одной из его побочных линий. Поэтому философский интерес к социологии оправдан, может стать фундаментом их продуктивного сотрудничества, в том числе совместной концептуализации вещей. Взаимодействие философии с социологией возможно на метафизическом базисе, присутствующем в социологии как дисциплине, вышедшей из философии и активно заимствовавшей её идеи.

---

² А.В. Лекторский, «Неклассическая эпистемология»

Цель данной работы – показать эксплицитные и имплицитные метафизические предпосылки, существующие в современной социологии вещей как неклассической эпистемологии. Объект работы – история осмысления вещи в философии и социологии. Предмет работы – концепт вещи как необходимо организующий элемент философского и социологического исследования. Задача работы – историческая дескрипция концепта вещь в философии и социологии с акцентом на альтернативу классических и неклассических проектов, а также выявление метафизических тенденций в самой социологии и конкретно в акторно-сетевой теории.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Первая глава посвящена критическому анализу положения вещи в философии. Вторая глава состоит из четырех параграфов, первый из которых посвящен неклассическим философским концепциям вещи, второй – понятию вещи в классической социологии, третий и четвертый параграфы рассматривают вещь в микросоциологии и акторно-сетевой теории.

Глава I.

Вещь в горизонте философского вытеснения

Вещь в себе, овеществление и объективация, «Назад к вещам!», система вещей, *res cogitans* и *res extensa* – вещь прочно вошла в философский дискурс. Однако её присутствие в философии дискретно и маргинально. Вещь улавливается философией на уровне слов, но не многообразия проявлений. Традиционная метафизика предпочитает приходящим вещам разумные и вечные идеи. Дихотомия идея-вещь является одной из фундаментальных бинарных оппозиций философии. Идея никогда не вещественна, а если вещь и может быть причастна идее, то это всегда подчиненное отношение. Стремясь к универсальности, философия забывает о вещи, повседневной и преходящей.

Будучи высоко интегральной и холистической дисциплиной, философия почти не знает работ, посвященных конкретным вещам³. Даже наиболее чуткие к обыденному опыту эмпиризм и номинализм, говорят о материальном как об абстракции, укладывая пестрое разнообразие физического мира в несколько общих слов.

Пренебрежительное отношение к вещи в философии не лишено оснований. Начать с того, что сомнителен сам бытийный статус вещи, её онтология. Вещи появляются и исчезают на наших глазах, по своей сути и употреблению являются вторичными и взаимозаменяемыми. «А был ли мальчик?» - «А была

---

³ Наподобие микроистории Карло Гинсбурга, трудам школы «Анналов», зиммелевскому описанию вещей и т.д.

ли вещь?». Разнообразная в своих проявлениях, вещь постоянна в своей хрупкости и скоротечности. Сложно описать объекты, чье существование дискретно и незаметно. В реку вещей сложно войти и единожды.

Человек находится среди бесконтрольно размножающихся вещей⁴ и теряется перед их бесконечным разнообразием⁵. Многочисленная и неупорядоченная, вещь оборачивается обескураживающим рациональность беспорядком. Бардак – это вещь, выбившаяся из-под рук и разума. Вещь несет в себе зачатки хаоса, является его индексом: «Нет ничего более зыбкого, чем попытки установить порядок среди вещей»⁶. Хаос, зияние, бездна – вестники небытия, чистая негативность сущего. Неупорядоченность вещей – следствие недостатка бытия. Неудивительно, что всевозможные классификации сущего ставят вещь на одну из последних ступеней онтологической иерархии.

Находясь вне человеческого фокуса внимания и философского описания, вещь обречена на не менее сомнительный статус в теории познания. Согласно Платону, вещь всегда предмет мнения, δόξα, но не знания, ἐπιστήμη. Согласно Аристотелю, вещь может являться лишь предметом опыта, но не искусства или мудрости⁷. Знание – это всегда знание общего, в то время как вещи представляют из себя торжество многочисленности. Отделение причин от вещей – обязательное условие становление любого универсального знания⁸. Идеал научной рациональности – это идеал всеобщности, который сближает науку и философию.⁹

---

⁴ Ж.Бодрийяр, Система вещей, Введение

⁵ У.Эко, Vertigo, стр. 67

⁶ Фуко, «Слова и вещи»

⁷ Метафизика, 1 кн., 1 гл.

⁸ Н.Г.Мотрошилова, История философии древности и Средневековья, с.31

⁹ Гуссерль, «Картезианские медитации». Картезианская идея науки - идея универсальной науки с абсолютным основанием руководит умом любого серьезного ученого. Допредекативное суждение - условие построения подлинной науки, т.к. задает условия доказывания, заключает в себе форму систематической упорядоченности познания.

Наше знание быта поверхностно в своей абстракции, мы плохо помним своеобразие окружающих вещей, просто не знаем их, а замечаем, лишь когда они выходят из строя¹⁰. Понимание повседневности покоится на некоторой общей не бытийной, но бытовой понятливости. Использование отдельного предмета определяется родовым шаблоном, инструкцией, обычаем и привычкой. Неспособные к познанию единичного, мы становимся неспособными к индивидуальному действию.

Но что значит индивидуальное действие, поступок, фундированный вещественным? Дискредитированная в онтологии и гносеологии, вещь не обладает почетным статусом в этике и практике. Будучи изменчивой и легко уничтожимой, вещь не может быть основанием прочной этической системы. Не будучи универсальной, вещь не может гарантировать универсальные ответы на вопросы нравственности, которые ставит перед человеком жизнь.

Более того, вещь часто мыслится как препятствующий правильному моральному выбору фактор. Она – традиционное яблоко раздора, оброненное эридами между людьми. Нравственный поступок редко мыслится в связи с материальным. Вещи редко является целью нравственного образа действий, они всегда лишь средство. Обмен чечевичной похлебки на первородство – образчик материальной морали и по-роковому неправильного выбора.

Любовь к вещи отвлекает от любви к ближнему¹¹. С материальным связан грех корысти, жадности, любостяжания. Традиционным носителем вещизма в массовом сознании являются фигуры мещанина и потребителя – образы, далекие от идеала добродетели. Религия и политика, история и культура рисуют образ должного человеческого существования, максимально свободным и отчужденным от материальных благ. «Легче верблюду пройти

---

¹⁰ Хайдеггер, «Бытие и время»

¹¹ И в конце концов видишь, что никто не способен по-настоящему думать ни о ком, даже в часы самых горьких испытаний. Ибо думать по-настоящему о ком-то — значит думать о нем постоянно, минута за минутой, ничем от этих мыслей не отвлекаясь: ни хлопотами по хозяйству, ни пролетевшей мимо мухой, ни принятием пищи, ни зудом. Но всегда были и будут мухи и зуд. Вот почему жизнь очень трудная штука. А.Камю, «Чума»

сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное»¹² - говорил Христос. «Чем меньше я имею, тем больше я способен любить»¹³- писал Фромм. Модус обладания вещами противоположен модусу чистого существования, открытости миру и человеку. Образ рая и коммунистического будущего едины в том, что ни в первом, ни во втором не будет вещей. Давняя мечта этики – избавление от вещей и грехов, связанных с ними. "Пылкая скорбь по поводу якобы сущностного забвения бытия скрывает тот факт, что человек предпочел бы забыть сущее"¹⁴

Связь морали и вещи рушится и вследствие связи вещи с телом. Тело – вещественная сторона человека. Труп – это человек как вещь. Со времен Платона плоть – сосуд греха. Тело – это темная и непослушная лошадь в упряжке платоновской колесницы, которая мешает возничему-разуму достичь блага¹⁵. В христианстве тело описывается как немощное и толкающее на грех.

Телесность человека подразумевает его пассивность, а пассивный субъект не способен на преодоление себя и обстоятельств, традиционных атрибутов высокоморального действия. Вещественность и телесность лишают человека надежды, без которой сложно поступать правильно: «Лишить человека надежды – значит свести все к телу. А телу суждено сгнить»¹⁶.

Долг человека – стремление не к материальному, вещам, способствующим телесному комфорту и удовольствию, но к духовному, помогающему противостоять всему земному и преходящему. Шекспир должен быть дороже кирзовых сапог, иначе человек теряет человеческое лицо¹⁷.

---

¹² Мф.19:23

¹³ Э.Фромм, «Иметь или быть», стр. 46

¹⁴ Адорно, «Жаргон подлинности» стр. 47-48

¹⁵ Федр

¹⁶ Камю, «Дневник абсурдиста»

¹⁷ Ф.М.Достоевский, «Бесы»

Вещь уводит человека с дорог бытия, истины и добра. Она слабо или негативно репрезентирована в онтологии, теории познания, этике. Вещи отведена роль немой части сущего. Право на метафизику – это право на голос¹⁸. Но прерогативой речи наделено онтологическое, бытие, а не онтическое, вещь. Вещь плохо зондируется метафизическим языком, главным органом философии: как будто вещественное - сухопутное растение, но философы еще не вышли из воды на сушу. Магистральная линия философии молчит о вещи, как рыба.

Вещь во всем её разнообразии – потенциальный фальсификатор философии, её слепое пятно и её чесотка. Она суть философская негативность. Если идея – это философский зенит, то вещь – это философский надир. Изучение противоположности явления подчас может сказать о феномене больше, чем любая катафатика и позитивизм. Поэтому проблема вещи представляется актуальной для понимания сущности философии и её возможных путей развития.

Негативность может быть гносеологически продуктивна. Так, через изучение бессознательного психоанализ внес значительный вклад в представления о разуме. Можно сказать, что вещь в философии является аналогом бессознательного в психике. Связанная с телесностью, не артикулированная и репрессированная, вещь является Оно философии. Мир Оно – это мир отчужденных материальных объектов, мир противоположный и травматичный для Я¹⁹. В психоанализе вещь²⁰, das Ding, называется нерафинированный опыт реальности, вне символического измерения, опыт ужаса, близкий к безумию. Вещь – это объект животного влечения, образ сна, галлюцинация и бред. Её можно сравнить с ватерлинией айсберга нашей психики, 7\8 которого находится под водой. Она - лиминальная область

---

¹⁸ Маркузе, «Одномерный человек»

¹⁹ М.Бубер, «Я и Ты»

²⁰ Дилан Эванс, Словарь лакановского психоанализа, стр. 41-42

подсознательного и бессознательного, и вторая после сна королевская дорога в бессознательное²¹.

Поскольку рациональность – один из лейтмотивов философии, а фигура безумца²² является одним из ликов и столпов истины, позволяющим господствующему дискурсу длиться и формировать субъекта, то представляется важным изучение вещи как бессознательного. Бессознательное же всегда травматично и опасно, неотрывно от безумия. Какие опасности таит в себе вещь? Чем она неприятна и противоположна философии?

Стремление философии к универсальности и факт наличия многообразных и изменчивых вещей противоположны друг другу. Факт существования неупорядоченного мира вещей противоположен идолу рода, к которому склонно наше мышление: «Человеческий разум в силу своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит...он уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде²³». Величие метафизической системы определяется количеством объектов, которые она может непротиворечиво объяснить. Философское объяснение требует единства образца, противоположному высоко дифференцированным вещам, их беспорядку. Философия приводит в порядок наши умы, создает композицию наших картин мира, системы категорий расставляют вещи по местам, и серьезный философ никогда не признает, что вещи живут собственной жизнью, что его категориальные сети поймали не все предметы.

---

²¹ Фрейд, «Толкование сновидений»

²² История безумия в классическую эпоху

²³ Ф.Бэкон, «Новый Органон», стр. 18

Многообразие. Несмотря на упреки в умозрительности, именно философия помогает нам действовать в мире. В мире текучих объектов невозможно достоверное и устойчивое знание, его применение. Лишенный категориальных схем и системы силлогизмов, человек теряется в мире множественных вещей. Разнообразие мира мешает нам сосредоточиться на чем-то одном, дискредитирует нашу интенцию, способность действовать и достигать. Достаточно понаблюдать за поведением человека, впервые оказавшего в интернете, чтобы понять разрушительное влияние многообразия стимулов на психику. Любая множественность – вызов для мышления и потенциальное приглашение к составлению своей системы категорий²⁴. Пугающий плюрализм форм повседневности заставляет человека удивиться тому, что нечто вообще существует в этом хаотичном мире²⁵. Перед лицом неупорядоченного беспорядка, случайного и крайне неуютного, человек как никогда в другой момент чувствует себя заброшенным и бессильным в мире.

Множественности вещи противостоит единство иерархии бытия. Неспособность навести иерархию и порядок среди вещей – один из тупиков онтологической игры, подлинный конец которой – безумие. «И все одинаково важно: величие Рима и приступы твоего артрита»²⁶ - говорит сошедший с ума тиран и убийца Калигула в одноименной пьесе Камю. Классическая пьеса театра абсурда «Новый жилец» повествует о медленном сумасшествии и умирании героев в мире постоянно разрастающихся вещей²⁷. Уравнение Сартра: «Абсолютное или абсурд»²⁸ можно перевести как «Идея или вещь». «Лепесток розы, километровый столп у дороги или человеческая рука так же

---

²⁴ «Кто такая разруха? Старуха с клюкой, которая пришла и повыбивала все стекла» - вопрошает профессор Преображенский. И тут же отвечает: Нет, разруха в головах. Встреча внешнего хаоса вещей и внутреннего хаоса не из приятных встреч.

²⁵ Маммардашвили, «Необходимость себя»

²⁶ Камю, собрание сочинений, 6 т.

²⁷ М.Эслин, «Театр абсурда», стр. 162

²⁸ Сартр, «Тошнота»

важны, как любовь, желание или законы тяготения»²⁹ – это тождество – первое уравнение мира абсурда. Мир абсурда – мир, в котором жизнь сделалась непонятной, а человек – лишним.

Плотность. Но вещь травматична не только своей множественностью. Сама по себе она является чем-то противоположным и враждебным человеческому, подобно Земле без кислорода. «Мы попадаем в чуждый нам мир. Мы замечаем его "плотность", видим, насколько чуждым в своей независимости от нас является камень, с какой интенсивностью нас отрицает природа, самый обыкновенный пейзаж. Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира.»³⁰ Сартр определяет существование как постоянную попытку дотянуться до сущности вещей и не менее постоянное отвращение при столкновении с их бесчеловечной реальностью³¹. Понять мир и вещь – значит привести его изначальную бездушность к общему человеческому знаменателю. Один из наиболее философских поэтов прошлого века, Иосиф Бродский, в своей Сорбонской лекции сказал: «Изучать философию нужно, когда вы догадываетесь, что стулья в вашей гостиной и Млечный Путь связаны между собою, и более тесным образом, чем причины и следствия, чем вы сами с вашими родственниками. И что общее у созвездий со стульями - бесчувственность, бесчеловечность»³².

В чем проявляется враждебность и жестокость вещи? В упорстве материи. То object – возражать, противостоять, спорить. Нельзя поспорить со стеной,

---

³⁰ Камю, Мир о Сизифе: Понять мир означает для человека свести его к человеческому... Разум, стремящийся постичь действительность способен испытать удовлетворение только тогда, когда он сведет ее к собственным понятиям. Если бы человек узнал, что вселенная тоже может любить и страдать, он бы почувствовал себя примиренным с судьбой.

³¹ Сартр, Тошнота: НА САМОМ ДЕЛЕ море – холодное, черное, оно кишит животными; оно извивается под тоненькой зеленой пленкой, созданной, чтобы обманывать людей. Окружающие меня силфы попались на эту удочку – они видят только эту пленку, она-то и доказывает существование Бога! Но я вижу изнанку! Лакировка тает: восхитительная, бархатистая, как у персика, кожаца, кожаца доброго боженьки, везде и всюду с треском лопается под моим взглядом, трескается и зияет.

³² И.Бродский, собр.соч.4 т.

камнем или куском железа: они упорствуют в своей материальности и безразличии. Вещь – инородное тело в организме антропного мира.

Кусок горной породы мог бы стать аллегорией неизбежности. Давно прошли времена симпатической магии, когда человек пытался заговорить вещь, вымолить дождь, договориться с животным. Вещь – то, с чем нельзя решить дело словом, а можно только насильственно переделать: вырубить лес, осушить болото, сжечь производственные отходы. Именно по отношению к вещи человек конституируется как *Homo Faber*. И этот генезис основан на страхе перед инородной материей вещи и перед её законами, которым как тело должен подчиняться человек. Энтропия – всеобщий закон Вселенной, который человек может лишь замедлить. Человек играет по правилам физических законов во всей их безапелляционности и неаргументативности, на что лишний раз указывает плотность и непроницаемость вещи.

Навязчивая и неизбежная плотность вещи – то, что объединяет всех мучеников дантовского Ада: бесовские бичи, когти гарпий, раскаленные гробы, железные девы, котлы со смолой воплощают тяжесть и беспощадность материального. Ад – это градиент вещественного. Рай – это потеря материей своей тяжести, как её терял Данте, поднимаясь по небам Рая.

Текучесть. Но бесспорная плотность материи – лишь половина жестокости вещи. Её подлинная инаковость человеческому состоит в текучести.

Человеческое определяет себя через вневременное и универсальное. В основе любой эпохи и сознания лежит некая устойчивая идея³³, встреча³⁴ или нарратив³⁵, которые помогают преодолевать разнообразные превратности

---

³³ Всякая эпоха, всякое человеческое множество опираются на ту или иную метафизику и через нее встают в определенное отношение к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе» [1, с. 64].

³⁴ М.Бубер, «Я и Ты»

³⁵ Лиотар, «Состояние постмодерна»

реальности. Текучесть вещи превращает её поля в вязкие болота, на которых не растёт тростник мысли. *Panta rei* вещи делает из неё обманчивую и пугающую сущность³⁶, майю. Изменчивость вещи – основание для ужаса. Гегель создает представление о вещи как носителе инаковости³⁷: сущность вещи заключена в ином этой вещи. Вещь включает в себя свое инобытие и небытие. Вещь может становится радикально отличной от своего привычного облика: тело может стать больным, дом может стать пепелищем. Подобное инкорпорирующее противоположности представление о вещи ассимилируется психоанализом. Именно подвижность, способность перехода к своей противоположности сближает вещь с кошмаром. Река Гераклита – неуютное место, чтобы коротать вечность. А философия, как мы знаем, стремление повсюду быть дома³⁸. Истина – общий дом человека. Вещь – это бездомность и нищета человеческого духа.

Лучшим живописным изображением, посвященным изменчивости мира вещей по праву можно назвать «Крик» Мунка: дрящущийся возглас ужаса – закономерная реакция человека на текучий и обманчивый мир чувственности. Авторские вариации «Крика» включают в себя полотна «Отчаяние», «Тревога», «Меланхолия». Характерно, что именно в период первой мировой войны появляется *ready-made* – экспозиция промышленно изготовленных вещей как произведений искусства. «Фонтан», «Велосипедное колесо», «Сушилка для бутылок» - вещь возвращается в искусство в условиях крайней нестабильности мира. Вещь сама по себе и является точкой нестабильности мира, и во время войны человек становится именно такой вещью.

---

³⁷ Феноменология духа, «Восприятие или вещь и иллюзия»

³⁸ Новалис, «Фрагменты»

Таким образом, мы видим, что вещь, разнообразная, материальная и текучая, является чем-то противоположным не только сущности философии, но и человеческой природе самой по себе.

Вещь и смерть. Изменчивость, быстрая деградация и исчезновение делают вещь намеком на смерть, её индексом и реминисценцией. Вещи напоминают нам о скоротечности времени: распад касается быта быстрее, чем людей, которые в нем обитают. В вещах мы встречаем нашу смерть. Помойки суть те же кладбища без надгробий. Пренебрежительность к вещи – защитная реакция, которая позволяет нам забыть о собственной смерти. Деля мир на людей и не-человеков, мы подсознательно пытаемся утвердить свою неуязвимость и бессмертие, свою волю.

Как и смерть, вещь обладает важным свойством – нерепрезентативностью. Смерть нельзя показать напрямую, а лишь используя аналоги, метафоры и сравнения. Смерть – это торжество реального, которое нельзя показать в этой реальности.

В книге «Меня зовут Красный» рисунок смерти говорит о себе, что несмотря на то, что его нарисовал самый талантливый художник своего времени, изображению недостает мастерства. Художник стыдится своего творения, за то, что сделал его вопреки традиции, запрещающей рисовать смерть. «Получилась серединка на половинку, что никак не приличествует такой важной сущности, как Смерть. Я и сама этого стыжусь»³⁹. Художник покончил с собой дабы понять, в чем ошибка рисунка.

Картина «Послы» Ганса Гольбейна⁴⁰ содержит осмысленный анаморфоз, семантически наполненный обман зрения. Французский посол и епископ

---

³⁹ О.Памук, «Меня зовут Красный», Азбука, 2014, стр. 168

⁴⁰ Другая картина Гольбейна вошла в историю русской литературы – «Мертвый Христос в гробу». Картина реалистична до отвращения. Смерть представлена во всем своем ужасе и безжалостности. Смерть не щадит даже Христа. Князь Мышкин и Рогожин обсуждают копию с этой картины, и Лев Николаевич замечает, что глядя на подобное можно лишиться веры, что в контексте творчества Достоевского значит, что можно лишиться и жизни.

стоят на полу Вестминстерского аббатства, чья мозаика символически изображает мироздание. Между ними на полу под сильным углом изображен череп – символ смерти. Если сама картина написана в стиле Северного Возрождения, близкого к реализму, детализирована и составлена по правилам линейной перспективы, то череп намеренно схематичен и искривлен в перспективе. Его можно разглядеть только стоя по правый бок картины, что делает невидимым все остальное полотно.

В «Лаокооне»⁴¹ Лессинг пишет, что на живопись и скульптуру наложено негласное табу изображения мук смерти: они не эстетичны и не правдоподобны. Хорошее произведение должно запечатлевать фигуру в момент до смертельной судороги и запечатлевать так живо, что последующий миг страдания будет угадываться сам. Смерть должна быть личной фантазией зрителя, а не универсальной истиной, вынесенной на всеобщее обозрение.

Также можно вспомнить произведение Дэмиена Хёрста «Физическая невозможность представления смерти в уме живущего». Оно представляет из себя инсталляцию тигровой акулы в аквариуме с формальдегидом. Животное нападает на зрителя, хищник в вечном прыжке на свою добычу, но мы остаемся невредимы, разрушается только чучело. Первая акула растворилась в формальдегиде, и это разрушение вписано в авторскую концепцию. Разрушительный посыл отражается от стенок аквариума и взгляда наблюдателя и оборачивается на сам объект. Пытаясь представить себя жертвой сиюминутной атаки хищника, мы обнаруживаем свои тела в тисках гораздо более безжалостной пасти времени, чей оскал изображен в разрушении нападающего на нас предмета.

Познание смерти всегда опосредовано: словом, материалом, идеей. Косвенный характер знакомства с границами физического состояния синонимичен известному высказыванию Эпикура: «Когда мы есть, смерти

---

⁴¹ Г.Э.Лессинг, «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии»

нет. Когда есть смерть, нас нет»⁴². Мышление континуально и не может помыслить своё разрыв, которым является смерть. Представление смерти было бы равносильно смерти самого представления. В проблеме репрезентации смерти в мысли можно прочесть проблему соотношения мышления\идеи и материального\вещи – как происходит переход от одного к другому, как соотносится материя и наша мысль о ней? Это перефразированная психофизическая проблема и трудная проблема сознания – как взаимодействуют наше тело и душа, как мозг рождает конкретное разнообразие мыслей и саму личность? Радикальная материальность смерти делает её постигаемой в мысли только через иное.

Будучи вестниками смерти, ускользающей от изображения и познания, вещи перенимают качество нерепрезентативности. Сложно сообщить об индивидуальном опыте использования вещи, так чтобы он не скатился ни в абсурд, ни в банальность. Даже поэзия в описаниях природы, сравнивает её с другими реальностями: реальностью чувства, божественного, истории. Нам нужно иное, чтобы познать вещь и рассказать о результатах познания. Общий характер слова не совместим с индивидуальным, как смерть, бытием отдельной вещи. Благодаря, причастности к иному общему, вещи получают свой смысл, становятся понятны и эстетически легитимированы. «Удовольствие основывается на взаимной согласованности между вещами, душой и миром, на метафизической любви, которая придает единство реальности»⁴³. Нам нужен гипероним, чтобы из ноумена вещь стала феноменом. Вопрос вещи, смерти и любви – это всегда вопросы слома обыденного языка, поиска новых изобразительных систем, которые оказываются поисками новых миров.

Невидимая, непознаваемая обыденным сознанием и просто зловещая, вещь обладает ликом безумия, смерти, а также ликом дьявола. Вещественное не

---

⁴² What is mind? No matter. What is matter? Nevermind.

⁴³ У.Эко, «Искусство и красота в средневековой эстетике»

избежало демонизации в философии. За границами науки живут монстры⁴⁴, за границами философии живут бесы-вещи. Можно сказать, что изгнание вещи с философской территории подобно экзорцизму дьявола из человеческого тела.

Дьявол тесно связан как с безумием, отходом от разума, так и со смертью, уходом из жизни. Князь земного мира – мира вещей неотрывен от вещи уже своей связью с греховностью плоти, а также изменчивостью вещественной истины. Традиционная маска демонического – маска обмана, роль трикстера и джокера объединяет его с иллюзорным характером вещи.

Дьявол в деталях – гласит известная поговорка, люцеферическая суэта мира – вот она, вещь. Если вещь – это тень идеи, то говорящая тень – это демон. Мефистофель представляется Фаусту как «Царь крыс, лягушек и мышей, клопов, и мух, и жаб, и вшей»⁴⁵, повелитель мелкого и низменного. Дьявол в «Докторе Фаустусе» возводит увлечение главного героя демоническим к его детскому интересу в природных объектах, их разнообразию и непредсказуемости. «Мефи», революционная организация антиутопии «Мы» противостоит постройке космического корабля «Интеграл», призванного принести другим планетам сверхразумное общество. «Антихрист» Ларса фон Триера – фильм-размышление над дьявольской сущностью природы и вещи, в которой человеку вряд ли есть место.

Само слово *διάβολος* происходит от «кидать», «отбрасывать», «разъединять», что противоположно *συνβάλλω*, символу, этимологические восходящему к «со-бросанию, объединению», т.е. культуре как символической деятельности и философии, как наиболее знаковой и синтетичной из ветвей древа познания.

Изучать абстрактные идеи – значит утверждать божественный характер мира. Изучать конкретные вещи – значит постулировать его дьявольскую природу.

---

⁴⁴ Фуко, «Порядок дискурса»

⁴⁵ И.В.Гете, «Фауст», перевод Пастернака

Жизнь в мире вещи и факта оказывается невыносимой: «Может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности, если науки признают так объективно констатируемое за нечто истинное, если история не научает нас ничему, кроме одного - все произведения духовного мира, все жизненные связи, идеалы и нормы, присущие людям, подобно мимолетным волнам, возникают и исчезают, разум постоянно превращается в неразумие, а благодеяние - в муку, всегда так было и всегда так будет? Можно ли смириться с этим?⁴⁶»

Философия— Шива-Натараджа, танцующий на спине демона Апасмара, демона неведения-небытия-вещи. Но Шива стоит на его спине также, как философия основывается на вещи, пусть и за счет её исключения. Согласно Фуко, дискурс – это насилие, которое мы совершаем над вещами⁴⁷. Понятие истинного и ложного, а также гомогенность и регулярность дискурса завязаны на процессах исключения, одним из которых является процесс исключения вещи. Таким, образом философская речь о вечных истинах мира становится возможной благодаря элиминации вещей. Мы можем выговорить философские истины, лишь придав забвению многообразие мира. Вещь – условие философского редукционизма. Она суть отсутствующее означающее философской речи, незримо конституирующее её.

Положение вещи в философии аналогично положению женщины на протяжении многих веков истории. В своей работе, ставшем классикой феминистической мысли, Вирджиния Вульф уподобляет женщину зеркалу, которое на протяжении истории должно было вдвое-втрое увеличивать фигуру мужчины. Чем большему угнетению подвергалась женщина, тем сильнее становился мужчина, тем больше прогресса делала человеческая цивилизация: «Без такой волшебной силы земля, наверное, и по сей день оставалась бы джунглями. Мир так никогда бы и не узнал триумфов

---

⁴⁶ Гуссерль, "Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология", стр. 21

⁴⁷ Фуко, «Порядок дискурса»

бесчисленных наших войн. Мы по-прежнему сидели бы в пещерах и царапали фигурки оленей на обглоданных костях либо меняли кремь на овчину или какое-нибудь другое незатейливое украшение, пленившее наш детский вкус»⁴⁸ . Таким образом, общественное развитие обеспечивалось подавлением женщины, её исключением из полноты жизни сообщества. Вещь можно уподобить женщине и зеркалу, в них отражается подавляющий и преуспевающий потенциал мужчин и их философских систем. Как бесправная женщина делала возможным мировой прогресс, так вещь делала возможной философскую речь. «Не знаю, как в цивилизованных галактиках, а в мире жестких и сильных личностей без зеркал не обойтись»⁴⁹ . В патриархальном обществе не обойтись без угнетенных женщин, также как в мире философии не обойтись без вещей, выставленных за дверь.

На примере статуса женщины можно увидеть, что человек и вещь не являются жестко очерченными категориями. Часто статус вещи предписывается более слабому человеку. Вопрос о вещи – это вопрос о власти, о диалектике раба и господина.

Поэтому сходную с патриархатом аналогию можно легко обнаружить в политической философии. Политическая идеология строится вокруг предпочтения одних классов другим, т.е. неявном представлении о других классах как средстве для достижения целей, как об инструменте и вещи. Каждый случай нарушения категорического императива и золотого правила нравственности помещает нас в категориальное поле идеи и вещи. Процветание верха социальной пирамиды обеспечивается замалчиванием нужд её основания. Рабы, пролетариат, синие воротнички оказываются в положении говорящих орудий для других людей. Благодаря их угнетению, политики могут обещать золотое будущее, строить свою политическую философию, свою утопию.

---

⁴⁸ В. Вульф, Своя комната

⁴⁹ Там же

Антиутопии прекрасно иллюстрируют элиминативный характер политических проектов идеального будущего. Чем светлее, феноменальнее будущее, которое рисует политическая идеология, тем больше вытесненного и замолчанного, ноуменального, в нем будет.

Так, в романе О.Хаксли «О дивный новый мир» общество альфа- и бета-особей процветает благодаря беспросветному труду омега и эпсионов. В романе Замятина «Мы» общество исключено из природы защитной стеной, защищающей от живущих в лесах дикарей и революционеров. В «1984» пролы, беспартийный пролетариат, рабочие шахт и заводов, обеспечивают всю Океанию вещами, сами являются ими. Пролы не обладают правом голоса, глупы и не образованы. Однако являются последним шансом на революцию и ревизию тоталитарного порядка. Главный герой Уинстон Смит пишет в дневнике: «Если есть надежда, то она в пролах»⁵⁰. Если надежда есть, то она в вещах.

Таким образом, можно заключить, что общественный порядок основывается на механизмах исключения. **Понятие исключения синонимично понятию вытеснения в психоанализе.** Вещь – это универсальное исключенное философии, как неизбежная боль и смерть – универсальное вытесненное любого субъекта.

Вытеснение – это защитный механизм психики, заключающийся в устранении неприглядных и неприятных сторон реальности из сознания. Вещь, со своей материальностью и текучестью, является травматической для философии, подрывающей её стремления и тезисы, а потому вытесняемой.

Вытеснение играет ключевую роль в формировании бессознательного. Оно конституирует его как пространство нереализованных желаний и страхов, отсутствия и возможности. Таким образом, вещь ответственна за генезис бессознательного философии.

---

⁵⁰ Стр 29

С точки зрения психоанализа, бессознательное определяет человека в большей степени, чем более высокие инстанции психики. Вытеснение тесно связано с самоидентификацией и сущностью явления, а также способностью действовать и говорить, активно утверждать себя в мире. Вопрос о вытеснении – это вопрос о том, кто я такой и что я могу сделать. Вопрос о вытеснении – это вопрос о феномене, ибо только в темноте вытеснения по-настоящему может быть видна сцена.

Вытеснение играет ключевую роль в формировании речи. Речь осуществляется как первовытеснение физических желаний и замена их символическим порядком языка⁵¹. Наша способность говорить происходит от нашей способности желать⁵². Речь производна от процессов вытеснения, как крик боли произведен от раны. Рана и есть вытеснение, а любое вытеснение и есть рана в ткани целостной реальности. «Субъект — это тот, кто страдает: где рана, там и субъект»⁵³. Вытесненная вещь – это фундаментальная рана философской субъективности, которая создает возможность речи философа. Залечить её – значит утратить голос. Оставить её – значит потерять связь с реальностью и сойти с ума.

Вытесненное – это незалеченное и замолчанное. То, о чем человек молчит, его тихие раны, определяют его в большей степени чем то, о чем он говорит. Глубина и скорость мышления может быть измерена количеством энтимем. Носителя языка определяет не артикуляция, но элизия. «Менины» интересны не тем, что изображено, но тем, что активно отсутствует на картине. Философия интересна не тем, что она говорит о бытии, но тем, что она умалчивает о вещи.

Само слово «эпоха» происходит от древнегреческого глагола ἐπέχω – останавливаться. Эпоха – это приостановка. Только в приостановке видна

---

⁵¹ В.Мазин, «Введение в Лакана»

⁵² Что похоже с происходит от мысли Шопенгауэра о силе интеллекта как производной от воли человека

⁵³ Барт, Фрагменты речи влюбленного

сущность времени. Только в приостановке речи понятен смысл сказанного. Все то, что определяет нашу современность трудно выразимо словами, а схватывается в тишине и тревоге настоящего момента. Этим невыразимым и умалчиваемым оказывается бессознательное, созданное вытеснением. Изучение вытесненного оказывается изучением сущности сущего. Поэтому одно из возможных определений философии - дискурс, отрицающий вещи и повседневность. Изучение вещи оказывается апофатическим изучением сущности любомудрия.

Определенность формы тесно связана с процессами вытеснения. Чем отчётливее мы можем ответить на вопрос «Кто я?», тем больше в нас вытесненного, потому что позитивный ответ на него предполагает отрицание всего того, чем я не являюсь. Если что-то обладает устойчивой формой, значит оно было вовлечено в процессы онтологического и психологического вытеснения. Чем более вытеснена вещь, тем более определена и активна философия. Вещь размывает философию, отрицание вещи придает философии отчетливые грани.

Вытеснение и самоидентификация тесно связаны с агрессией, как сущностной, так и защитной, как конструктивной, так и деструктивной. Конструктивная агрессия определяет нашу сущность, а защитная сохраняет имеющееся. **Категория сущности тесно связана с насилием, которое нужно для её создания и поддержания.** Онтология вытеснения предполагает свою этику и политику, т.к. она тесно связана с процессами власти и подчинения, с вопросами демаркации и границ, которые всегда охраняют. Говоря о наличной сущности, мы не должны забывать о боли и смерти тех сущностей, которые своим небытием дали шанс наличному. Говоря о человеке мы не должны забывать о неандертальцах. Говоря о научной истине, мы не должны забывать обо всех отринутых гипотезах. Говоря об идеях, мы не должны забывать о вещах. Онтология вытесненного – это рецессивная генетика бытия. А рецессивные гены рано или поздно проявляются, как в форме редкой красоты и чуда, так и в форме уродств и

мутаций. Актуализация рецессивных генов философии, поиск её нехоженых троп – вот одна из насущных задач изучения вещественного в рамках метафизики.

Изучение и возвращение вытесненного необходимо, так как чем оформлен феномен, чем активнее действует субъект, тем больше категоричных демаркационных линий проведено, тем больше сфера ноуменального, бесформенного и бессознательного. Избыток бессознательного приводит к разрушению и самоотрицанию феномена. Так, исключение Цезарем Сената из правительственных решений привело к мартовским идам. Исключение третьего сословия из Генеральных штатов привело к Великой Французской Революции. Насильственное исключение еврея из мирной европейской жизни было одной из причин Второй Мировой. Исключение важных фактов приводит к научным революциям, исключение актуальных сторон бытия ведет к поворотам в философии.

Для поддержания здоровой физиологии, философии как семиосфере важно поддерживать открытость периферийных границ, т.к. именно они служат катализаторами новых информационных процессов в системе. Отрицая вещь, философия приобретает свою сущность, но избыток отрицания приводит к потере этой сущности. Как для любого человека, так и для философии важно поддержание гармоничного баланса между бессознательным, телесным и вещественным и сверх-сознательным, идеальным и духовным.

Человек невозможен без бессознательного. Речь и действие невозможны без вытесненного. Отсутствие вытеснения чревато не критичностью и синкретизмом. Человеку, полностью лишившемуся вытеснения, грозит потеря не только защитного механизма психики, но и защитного механизма тела, т.е. инстинкта самосохранения. Однако избыток вытесненного и примат бессознательного делают жизнь и речь невозможными. Без учета вещественности, а также сопровождающей её текучести и смерти, философия обречена на невроз, не функциональность, немоту.

Философии необходимо освобождение бессознательного для наиболее полного отражения реальности. Симптом - язык, речь которого должна быть высвобождена⁵⁴. Вещь – это симптом философии, от которого она не должна избавиться, но к которому она должна все ближе подходить и все медленнее отдаляться. Философия должна найти правильную траекторию циркуляции вокруг вещи.

Философия как наиболее универсальный из дискурсов должна включать в себя минимум вытеснения. Её развитие должно осуществляться включением, а не отрицанием сущего. Философскому мышлению более подобает принятие реальности во всей её неприглядности, чем отрицание её неидеального характера и бегство в метафизические дали⁵⁵.

Как писал Генри Миллер: «Я люблю все, что течет, все, что заключает в себе время и преобразование, что возвращает нас к началу, которое никогда не кончается: неистовство пророков, непристойность, в которой торжествует экстаз, мудрость фанатика, священника с его резиновой литанией, похабные слова шлюхи, плевок, который уносит сточная вода, материнское молоко и горький мед матки — все, что течет, тает, растворяется или растворяет; я люблю весь этот гной и грязь, текущие, очищающиеся и забывающие свою природу на этом длинном пути к смерти и разложению. Мое желание плыть

---

⁵⁴ В.Мазин, «Введение в Лакана»

⁵⁵ Видали вы лист, с дерева лист?

- Видал.

- Я видел недавно желтый, немного зеленого, с краев подгнил. Ветром носило. Когда мне было десять лет, я зимой закрывал глаза нарочно и представлял лист - зеленый, яркий с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал.

- Это что же, аллегория?

- Н-нет... зачем? Я не аллегория, я просто лист, один лист. Лист хорош. Всё хорошо.

- Всё?

- Всё. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту. Эта свекровь умрет, а девочка останется - всё хорошо. Я вдруг открыл.

- А кто с голоду умрет, а кто обидит и обесчестит девочку - это хорошо?

- Хорошо. И кто разmozжит голову за ребенка, и то хорошо; и кто не разmozжит, и то хорошо. Всё хорошо, всё. Всем тем хорошо, кто знает, что всё хорошо. Если б они знали, что им хорошо, то им было бы хорошо, но пока они не знают, что им хорошо, то им будет нехорошо. Вот вся мысль, вся, больше нет никакой!

беспредельно — плыть и плыть, соединившись со временем, смешав великий образ потустороннего с сегодняшним днем»⁵⁶.

Встреча философии с вещью может быть не менее прекрасна, чем встреча зонтика и швейной машинки на анатомическом столе.

Урок вещи для философии – это также урок свободы. Наша свобода тем полнее, чем меньше в нас механизмов психологической защиты, вытеснения, т.е. чем более открыто наше бессознательное. Чем меньше философия отрицает вещь, тем большую свободу она дарует людям, которые занимаются ею. Любовь к повседневному, философскому негативу – это любовь к свободе, которая является обязательным условием любви, тем более любви к мудрости.

Что понимал уже Платон: «— Ты еще молод, Сократ», — сказал Парменид, — и философия еще не завладела тобой всецело, как, по моему мнению, завладеет со временем, когда ни одна из таких вещей не будет казаться тебе ничтожной⁵⁷»

И через двадцать веков понимал Фуко: «Лишь возвращение речи немоте, лишь высветление той тени, которая отрывает человека от самого себя, лишь одушевление бездеятельного — вот что составляет теперь единственное содержание и форму этики»⁵⁸.

---

⁵⁶ Г.Миллер, «Тропик рака»

⁵⁷ Платон, «Парменид»

⁵⁸ Фуко, «Слова и вещи», стр. 348-349

Глава II.

Апология вещественного

Всякая вещь - живая. Надо только суметь разбудить ее душу.

Г-Г. Маркес, «Сто лет одиночества»

Вещи содержат в себе отсутствующих людей.

Дж. Барнс, «Метролэнд»

Первая глава данной работы, как и сама магистральная линия философии, не избежала процессов вытеснения. В частности, вынесения за рамки важных теоретиков вещественности, без которых наш разговор был бы не полон.

Сказать, что вся философия построена на отрицании вещи было бы грубым преувеличением. Можно вспомнить номинализм, в котором именно реальность единичной вещи признавалась приоритетной. Можно вспомнить натурализм Возрождения, для которого природа – это бог в вещах, *Deus in rebus*. Можно вспомнить эмпиризм, главного задача которого - "восстановить общение между умом и вещами, которому едва ли уподобится что-либо на земле"⁵⁹. Можно вспомнить Ямвлиха, согласно которому низшая область (материя) может рассматриваться как образ более высокой, а более высокая – как прообраз более низкой⁶⁰. Можно вспомнить пантеизм Спинозы и Шеллинга, в которых нет подчинения вещей идеям, весь мир сакрален, а физический объект не дискредитирован. Одним словом, время от времени философия признавала ценность вещей, если не как отдельных единиц, то, как минимум, в качестве материи.

Однако рассмотреть всю историю материализма не представляется возможным в границах данной работы, поэтому мы сосредоточимся на рассмотрении значимых концепций вещественности в 20 в.

Альтернативные подходы к вещи в философии

---

⁵⁹ Бэкон, соч. в 2 т., т.1, стр. 59

⁶⁰ Мотрошилова, стр. 154

- **Хайдеггер**

Одним из самых известных апологетов вещественного является Хайдеггер. Его знаменитое эссе «Вещь» начинается с тезиса о забвении вещи: «Вещь не явлена современному человеку, т.к. у него нет представления о ней». Вещь нема, ибо её существованию не дает слова традиционная метафизика и наука. Немота вещи противоречит её исконной этимологии: английское thing и немецкое Ding происходят от тинга – племенного собрания свободных мужчин германских племен, где каждый имел голос. Вещь – это собранное и говорящее, т.е. говорящая субстанция. В противоположность этому, в философии и науке «вещь в качестве вещи оказывается ничем».

Однако именно вещь, а не идея или ощущения, оказывается самым близким человеку. Пренебрежение близким и очевидным суть первый способ нанести ущерб своей экзистенции. Именно вещественный модус существования много и содержательно говорит о бытии.

Вещь веществует, что значит собирает четверицу – землю и небо, смертных и божеств. Она собирает и зеркально отражает все четыре сущности, дает их существованию сбыться и отдать себя друг другу. В вещи мы встречаем чувственную и доступную форму существования жизни и смерти, человека и бога. Подношение чаши собирает мир в целостно воспринимаемое единство, приближает, а не удаляет от божественного. При этом вещь не является средством для сборки, она является медиумом и посредником, не менее ценным, чем то, что она объединяет.

Согласно слову Хайдеггера, вещь – «хранящий хоровод мира», а человек пастух и хранитель бытия. Сохранение и собирание – функции, объединяющие вещественное и человеческое. Задача личности – беречь и защищать всякую вещь, ведь через них проявляет себя бытие. Забота о вещи, забота о мире и забота о себе совпадают. Забвение вещи чревато падением – забвением истины бытия, не продуманного в своей сути сущего.

Хайдеггер связывает вещь и руку, руку и Dasein. Вещь мыслится в связи с человеческим телом, отношением с ним. Через руку Dasein обретает пространственность и становится причастной подлинной топологии бытия⁶¹. Там, где есть вещь, всегда есть рука. Там, где есть вещь, есть человек. Там, где есть человек, всегда есть вещь. Вещь и человек взаимно предполагают друг друга.

Хайдеггер не проводит жестких демаркаций материального и ментального, наоборот, любой разговор о сознании вещественен, а вещь не может браться вне сознания: локализуя вещественное, мы локализуем психическое. Сама человеческая личность может быть представлена как многоуровневая внутремировая вещь. Animal – это человек как наличная вещь мира⁶², а также тень Бога на стене бытия.

Забота о вещи актуальна не только для обычного человека, но и для философа. В «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер утверждает вещь в качестве одного из условий возможности феноменологии как науки⁶³. Именно через опредмечивание бытия феноменология становится ведущей философской дисциплиной. Недаром её главная максима – это провозглашенное еще Гуссерлем «К самим вещам!»⁶⁴.

Также Хайдеггеру принадлежит важная для последующей эпистемологии вещи идея о конструируемой природе материального: «мы видим в вещи то, что о ней говорят другие»⁶⁵. Наше восприятие вещи направляется уже существующими интенциями других людей. Т.е. восприятие вещи направляется другим, создается во взаимодействии с ним.

---

⁶¹ Подорога, «Вопрос о вещи», стр. 140

⁶² Прологомены к истории понятия времени, стр. 134

⁶³ Основные проблемы феноменологии, стр. 373. Там же: И только поэтому обращаться в речи к сущему не только возможно, но в определенных границах — при условии, что Dasein экзистирует — всегда необходимо.

⁶⁴ Бытие и Время, стр. 27

⁶⁵ Прологомены к истории понятия времени, стр. 61

• Бодрийяр

Продолжение вещественной линии Хайдеггера можно разглядеть у Бодрийяра. Как и в работе «Вещь», материальным объектам вменяется собирающая и символическая функция: «Все вещи, и в частности предметы домашней обстановки, имеют воображаемую роль чаши»⁶⁶. Но только в чаше объединяются уже не земля и небо, божество и смертные, но человеческая сущность. Вещи – символические сосуды душевной жизни людей и контуры их душ. Система вещей воплощает в себе систему отношений между людьми⁶⁷. Более того, не только общество, но и сам мир переживается как вещь-дар.

Своей формой предметы отвечают на вопрос, что есть человек и что ему нужно. Субъект определяется исходя из того порядка, который он вносит в вещи. Способ обращения с вещью – это непреложная схема мировосприятия. Даже в бытовой рутине: уборке, перестановке, переезде – можно прочесть ответ на вопрос, кто я такой. Бодрийяр не проводит жестких границ между человеком и вещью, способ их существования – симбиоз вплоть до образования единой сущности.

Собственно, вещь есть не только символическое, но и физическое продолжение человеческого тела: «Человек связан с окружающими вещами, как с органами собственного тела»⁶⁸. Та форма, которая ограничивает собой предмет, и та, что ограничивает человеческое тело, имеют одну природу.

---

⁶⁶ Ж.Бодрийяр, «Система вещей»

⁶⁷ «Вещи вбирают в себя душевный опыт человека. Тем самым они отражают в себе целое мировоззрение, где каждый человек понимается как «сосуд душевной жизни», а отношения между людьми — как соотношения, трансцендентные их субстанциям».

«Вещи вбирают в себя, по выражению Пиаже, «аффективные схемы» отцовства и материнства, то есть отношения ребенка к людям, составляющим его первичную среду: отец и мать сами по себе предстают ребенку как некие орудия, окруженные орудиями вторичными».

⁶⁸ Там же

Любая вещь своей формой и функцией вмещения потребностей подобна женскому телу. «Каждая вещь в своей глубине антропоморфна» - подытоживает Бодрийяр.

Человек не просто использует вещь, любое употребление вещи оборачивается диалогом. Семантика общения с вещью – чувственное восприятие, а синтаксис – расположение предмета в пространстве. Пространство - распределительная структура индивидуальности. Поиск места для вещи в пространстве – это прообраз поиска своего места в мире, а диалог с вещественным – обязательный этап становления собственной личности.

Вещи заселяют пространство, где живут люди, делают его одушевленным, причастным человеческому за пределами дома. Вещи суть знаки человеческого: они обеспечивают незримое присутствие людей, даже когда человек остается один.

Согласно Бодрийяру, опасность исходит не от вещи, но от общества потребления, которое непрерывно поставляя вещи, обесценивает самого человека⁶⁹. Массовое производство создает массового человека, лишённого индивидуальности и души, которое присутствует в традиционном ремесле. Современная вещь все более виртуальна, менее тактильна, что сказывается на отношениях между людьми: мы все меньше касаемся друг друга, общение становится завязанным на создании бессодержательного виртуального образа. Преобразование общества должно начинаться с преобразование индивидуальной чувственности и быта: «Лечите душу ощущениями, а ощущения пусть лечит душа» - как писал Оскар Уайльд. Идеи отказа от индустриального производства, вещей без мастера и заказчика, созвучно толстовству, а также проекту промышленно-художественных мастерских Джона Рёскина и Уильяма Морриса, помогавшему созданию среднего класса в Англии 19 в.

---

⁶⁹ Бодрийяр, «Общество потребления»

Таким образом, в подходе Бодрийяра можно выделить единство человека и вещи, диалоговый характер их взаимодействия, символическую природу вещи, которая может обозначать тело, душу, общество и целый мир, то есть в символическом прочтении вещи мы можем заметить отголоски античной концепции микро- и макрокосмосов, где макрокосм – это человек, а микро – это вещь.

- Делёз

Делез важен для концептуализации вещественности уже потому, что он является одним из главных теоретиков множественности. Множественность представлена концептом ризомы и её метафорами – лабиринтом, корнями растений, извилинами мозга. Второе воплощение множественности - это план имманенции, или апофеоз хаоса, который представляет из себя мышление о мышлении и среду для концептуального генезиса.

В отличие от классических философских представлений о мире как единстве, онтология Делёза не центрирована, рассеяна, высоко дифференцирована и не упорядочена. Представление о едином начале – хрупкий и необоснованный конструкт, который может быть легко разрушен⁷⁰. Задача философа не культивирование центрального концепта, т.е. дерева, но удобрение корней и травы - ризомы, причастных к ней вещей. «Ничто не красиво, не любо, не политично, кроме подземных отростков и надземных корней, сорняков и ризомы⁷¹». Философское сочинение должно отказаться от бинарности стержневой корневой системы и производному от нему оседлому существованию, перейти к мышлению, подобному мочковатому корню и его

---

⁷⁰ Ризома: Нам не знакомы наука, общество, искусство - нам знакомы способы сборки.

⁷¹ Анти-Эдип, часть «Ризома»

практическому следствию – номадизму. Ризоматическое мышление должно стать крестовым походом философии на план имманенции⁷². Ergo, призыв к изучению множественности оказывается призывом к динамике и действию, событийности.

Далее, вещь является одним из условий философии, мышления и дружбы – самого философского из людских отношений. Множественность и вещественность суть родная среда существования концепта – главного продукта философии. Функция философии – выделение событийности из вещей. Без вещей ни событийность, ни концепт невозможны. Дружба не мыслима без агона, главный объект которого – это вещь. Вещь является медиатором филии между людьми, а также человеком и мудростью.

Вещь фундирует мышление: "Мы можем мыслить лишь, становясь чем-то иным, немыслящим, вещью"⁷³. Философ должен мыслить, т.е. стать чем-то иным, вещью или животным, чтобы обеспечить жизнь на новой ретерриторизованной земле.

Помимо функции фундирования философского мышления, вещь может быть концептуальным персонажем – персонализированным концептом, помогающим зондировать план имманенции. Концептуальный персонаж – это род и речь идеи, приложение идеальной модели к множественной реальности. Черта персонажа – это тезис тракта, функция вещи – это практическое приложение теории. Как Дионис был концептуальным персонажем Ницше, так вино и чаша могут стать функциональными символами мышления современного философа⁷⁴.

Более того, превращение в вещь – не только условие, но и следствие любой законченной философской речи. Говорящее бытие – это отчужденное от себя

---

⁷² Там же

⁷³ Что такое философия? Стр. 51

⁷⁴ Там же, стр. 71-98

бытие. В конечном итоге, лицо любого философа становится его маской и куклой – концептуальным персонажем⁷⁵.

Ergo, для Делёза вещь является условием философии и речи, манифестации себя в мире и творящего смысл события. Друг мудрости всегда друг вещи. Дружба же возможна только между равными.

В последствии идеи Делеза о множественности и ризоме повлияли на становление идеи сети в акторно-сетевой теории.

- **Подорога**

Среди отечественных исследователей вещественного нельзя не упомянуть Валерия Подорога. Для него вещь – приглашение к созерцанию и начало любой феноменологии. Вещь – имя для безыменного или еще неопределенного. Вещь - гибкий языковой индекс любого соприкосновения с бытием. «Вещь как имя - наиболее удобный способ говорить о мире, качествах, материи, событиях»⁷⁶. Везде, где есть вещь, можно говорить о метафизике. Без вещей метафизика невозможна.

Традиционная метафизика связана с удивлением, но вещь прозаична. Чтобы стать отправной точкой философского, вещь должна быть скучной. Скука у Хайдеггера аналогична эпохе Гуссерля⁷⁷. Скука - первоначальная настроенность на бытие. Созерцание становится возможным, когда вещь захватывает нас своей скукой, неподвижностью и повторяемостью.

---

⁷⁵ Именно благодаря нашим персонажам мы, философы, все время становимся чем-то иным и возраждаемся в виде фигур из общественного сада или зоопарка. Стр. 85

⁷⁶ Подорога, «Вопрос о вещи», стр. 31

⁷⁷ Стр. 257

Звуковым эквивалентом скуки является тишина: Нет лучшего способа говорить о бытии, чем прислушаться к тишине одинокого бытия вещей. В отличие от объекта или предмета, вещь покоится в себе, погруженная в тишину дления. Тишина и спокойствие вещей – условие разговора о бытии. Чем тише вещь, тем громче в ней явлено бытие. Произведение искусства – высшая точка покоя вещи. В безмолвной красоте сущего бытие являет себя полнее всего.

Восприятие вещи целостно. Если вещь стала объектом интенции, то она воспринимается как как целый мир. Произведение, творческий акт – организация множества как единой и уникальной вещи. Тотальность восприятия вещи, собирающая наличную близость и далекий горизонт в одном объекте вслед за Беньмином, Подорога называет аурой. Аура оживляет вещи, позволяет говорить с ними. Аура – душа и дыхание материи. Испытать ауру вещи – значит дать вещи посмотреть на тебя, сделать её равной, а то и выше себя. Аура несет в себе отпечаток творца вещи, через своего автора вещь говорит с нами. Максимальной аурой обладают произведения искусства, собирающие в себе горизонт истории и красоту момента их созерцания. Великие произведения искусства – суть вещи Бога.

Аура определяется творцом и\или хозяином вещи. Чтобы взаимодействовать с вещью, в ней надо выделить что-то человеческое. Этим человеческим является след того, что вещь была кем-то сотворена и кому-то принадлежала. Владелец вещи – тот, кто создает рассказ о ней. Пользование вещью неотрывно от рассказа об истории объекта, его создании и цели. «Что такое рассказ? Это воспоминание о то, чем эта вещь была для создателя»⁷⁸. Нарратив делает вещи видимыми. Подлинное обладание вещью подразумевает творчество и авторство. Именно этот текст мы считываем при встрече с вещью.

---

⁷⁸ Там же, стр. 140

История обращения с вещью – это история её обладателей. Вещь отражает лик своего хозяина, личные качества собственника передаются вещи. Место вещи в мире, определяется тем, кому она принадлежала: сначала вещь была собственностью Бога, потом она стала вещью Другого, далее вещью Идеи, сейчас же вещь стала ничейной, бесхозяйственной и бесхозной. Потеряв хозяина, вещь потеряла свою сущность и функцию.

История владельцев вещи – это история перехода от руки и первоначальной чувственности человеческого тела (Бога) к анестезии концепта, телу без органов⁷⁹. Как и Бодрийяр, Подорога обращает внимание на то, что современный мир лишился тактильного измерения: вещи становятся все более обтекаемыми, предполагающими функциональное касание, а не прикосновение ради удовольствия и остановки момента. Прикоснуться – значит признать человечность другого. Любому слову можно подобрать тактильный эквивалент. Общение представляет из себя обмен символическими поглаживаниями. Медиа – это массаж. Современная коммуникация балансирует на грани сенсорной депривации, компенсируя недостаток людской ласки интенсивным товарным потреблением. Ониомания, переедание, курение и алкоголизм, нарушенные циркадные ритмы – следствия потерянной вещи.

Лишившись чувственного измерения, свойственного вещам, мир становится областью взгляда и контроля. Взгляд – это редуцированное касание и форма обладания. В Возрождении прямая перспектива - способ захвата изображенного, превращение вещей в послушных взгляд. Видеть - это обладать на расстоянии. Концептуальное мышление – это еще более властная форма взгляда и собственности. Глаз является переходным органом между рукой и мозгом. Скоро после того, как вещь стала принадлежать идее и мозгу, она стала ничейной, потому что универсальность мышления оборачивается бездомностью и безответственностью.

---

⁷⁹ Там же, стр. 266

Без поддержки руки и вещи, современное искусство и мышление обречено на вымирание. Без вещи и её подлинного хозяина человек теряет прерогативу творения в природе. Современное искусство разрушает ауру телесности, без которой невозможна близость с вещью. Чувственность и мастерство покидают искусство одновременно с разложением христианской доктрины. Если из искусства исчезает Бог, то все становится искусством. Без Мастера искусство сворачивается в пустую тавтологию и не более содержательный процесс наименования чего-либо искусством. Творчество редуцируется до простой номинативной стратегии. Современное культурно-производственный процесс не создает предметы искусства, но создает сам вопрос: а может ли это являться искусством? Что такое искусство?

Отсутствие чувственной компоненты и сопутствующего ей Бога приводит к кризису идентичности искусства. Деятельность, не способная ответить на вопрос о своей природе, стагнирует в настоящем и не может создать своей истории. Современное искусство возникает как мимолетный феномен, возникает, чтобы показать себя и кануть в лету. Таким образом, вещественность оказывается тесно связана с историей и временем. Бог прошлых эпох и обстановка патриархального дома создавали стабильный временной континуум, по сравнению с которым время современного художественного творения дискретно и прервисто. «Порвалась связь времен» - фраза о смерти отца Гамлета и о смерти Автора в искусстве.

Вещь в социологии

Однако сегодня философия не является единственной дисциплиной, изучающей вещи. Начиная с 50-х годов 20 в. вещами заинтересовались социологи. Социология исследует способы взаимодействия с объектами, влияние материальных контекстов на социальное действие, коммуникативный статус вещи. Рутинные бытовые действия – чистка зубов,

оплата проезда, завязывание шнурков были осмыслены в единстве со своими объектами в качестве социальных и перешли в исследовательское поле науки об обществе.

При этом социология не только повторяет ряд мыслей, высказанных современной философией о вещи, но также возвращается к метафизическому стилю рассуждения прошлых веков, развивает его нераскрытый потенциал. Наш тезис состоит в том, что возможность успешной тематизации вещественного в социологии является сходным метафизическому мышлению, т.е. мышлению, возводящему многообразие мира вещей к единому нефизическому началу. Однако метафизическая централизация не мешает мыслить вещь как равное человеку. В традиционно обойденной философией теме, социология продолжает быть метафизичной, даже сняв иерархию идея - вещь и дихотомию человек-вещь.

В связи с этим изучение социологии вещей представляется плодотворным эпистемологическим проектом. Во-первых, потому что она развивает тенденции предшествовавшей Новому времени философии, признает его категории и само существование фиктивным⁸⁰. Лишенная субъект-объектных демаркаций и примата разума, акторно-сетевая теория интересно преломляет в себе современную философию. Таким образом, она является одной из побочных стратегий метафизической мысли.

Во-вторых, сфера общества может стать сферой продуктивного взаимодействия двух наук. Социология активно заимствовала идеи феноменологии, структурализма, лингвистического поворота. Благодаря социологическим данным, философия может пересмотреть ряд своих понятий, сделать свои выводы практичней и понятней для обычного человека.

---

⁸⁰ Б.Латур, «Нового времени не было»

В-третьих, возрождение философских тенденций в современных науках о социальном свидетельствует о неуничтожимости метафизического мышления в целом, его независимости от конкретных исторических форм и свободы от конкретных форм философии. Метафизика оказывается не эксклюзивной собственностью ряда имен, а универсальным стилем мышления, неизбежным при рассмотрении фундаментальных вопросов.

Социология социального

Но социология вещей не возникла сразу такой, какой мы знаем её теперь. Материальное не сразу попало в фокус социального, а претерпело более чем вековую эволюцию от неприятия до почти полной ассимиляции. Для существования социологии как науки необходимо определенное дистанцирование от декартовского дуализма мыслящего, отданного на откуп философии, и протяженного, изучаемого физикой. Статус автономной науки предполагает выделение третьего компонента – общества, несводимого ни к мыслимому, ни к материальному⁸¹. Для возникновения социологии как самостоятельной дисциплины материальное должно было представляться как радикально отличное от общества. Поэтому на первых этапах своего развития социология противопоставляла социальное материальному и смысл - вещи.

Классическая социология представляет вещь как продукт социальных взаимодействий. Для Дюркгейма сама по себе вещь – это нечто непроницаемое для ума⁸². Материальную непроницаемость вещи делает познаваемой общество. Любая вещь для социолога «сделана из одного и того

---

⁸¹ Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. Стр. 10

⁸² Э. Дюркгейм, «Социология»

же материала: всеохватного, непреложного, всегда-уже-имеющегося, всемогущего общества»⁸³. Так, Дюркгейм объясняет форму идола через социальные практики группы⁸⁴. По определению Маркса, вещь - ансамбль социальных отношений. Для социологии к. 19 – н.20 в. вещь полностью детерминирована тем смыслом, которые в неё привносит сообщество.

Суть социальной интерпретации лежит в замене одного природного объекта другим, принадлежащим обществу, и демонстрации, что он является сущностью первого. Социальный детерминизм в подходе к вещам равносителен уходу от объективного в область только общественного⁸⁵. Можно сказать, что социоцентризм является аналогом идеализма в философии, и изначально, возникнув в лоне философии, социология является ригидно метафизичной.

К примеру, испытав влияние Баденской школы неокантианства, Макс Вебер отрицал за вещами и миром повседневного взаимодействия причастность миру ценностей. Трансцендентный смысл не пересекается с имманентным миром вещей. Вещь может быть объектом, связанным с неосмысленным поведением, но не с рациональным социальным действием – стержневым понятием веберовской социологии⁸⁶. Ценности создают сообщество, сообщество создает вещи. Вещи – бледная тень мира ценностей, которая может быть познана исходя из них.

В рамках подхода социального детерминизма интересно отметить, что другому классику социологии принадлежит методологический лозунг, связанный с вещами. Уже упоминавшийся Дюркгейм призывал изучать

---

⁸³ Б.Латур, «Надежды конструктивизма»

⁸⁴ Дюркгейм, «Элементарные формы религиозной жизни»

⁸⁵ Б.Латур, «Когда вещи дают сдачи», стр. 350

⁸⁶ М.Вебер, «Основные социологические понятия»

«социальные факты как вещи». Социальный факт должен быть объективен и доступен для схватывания и употребления. Тождество социального факта (от лат. Factus – сделанное) и артефакта – вещи (arte — искусственно + factus — сделанный) просвечивает конструктивистский характер социологии. Метафора социальных фактов как сделанных и сфабрикованных в голове ученого, как вещей исследователя в дальнейшем станет принципом социологической рефлексии и одним из постулатов социологии научного знания. В последствии Латур уподобит социологическую лабораторию мастерской, а социолога – ремесленнику⁸⁷. Методологическая метафора вещи содержит в себе ростки социального конструктивизма, который никогда не бывает односторонним. Таким образом, уже у Дюркгейма мы имеем потенциальную интерсубъективность социального взаимодействия, которая в дальнейшем будет преобразована в интеробъективность.

Еще один классический теоретик, в трудах которого фигурируют вещи, - Георг Зиммель. Ему принадлежит в высшей степени символическое рассмотрение таких предметов повседневного обихода, как рама картины, ручка графина, дверь и мост⁸⁸. Форма вещи представляется как повторение и намек на социальные отношения. Так, отношение ручки и вазы – это отношение индивида и общества, отношение рамы и картины – это отношение общества и его границ. Вещь – всегда часть большей Вещи, как человек – часть общества. Вещь – это метафора, отсылающая к структурам социальной реальности.

Однако такой подход постепенно показал свою ограниченность, т.к. общество не является предельной объяснительной реальностью, оно само должно быть объяснено⁸⁹. Указывая на вещь как результат общественных отношений, мы

---

⁸⁷ Б.Латур, «Когда вещи дают сдачи»

⁸⁸ Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. Стр. 43-48

⁸⁹ Б.Латур, стр. 348, «Когда вещи дают сдачи»

не получаем нового знания ни об объекте, ни об обществе. Социоцентризм сворачивается в тавтологию.

К тому же, представляя объект как общественно детерминированный, социология упускала свойства и своеобразие материи. «Когда обществоведы желают понять какую-то вещь, они вынуждены отбросить то, что фактически составляет ее вещьность»⁹⁰. Из вещи была вырезана материальность, вместе с ней разнообразие, с разнообразием – возможность хаоса, неупорядоченности, движения.

Работая с вещами как знаками общества, социоцентризм слеп к материальным свойствам знака – тенденции знака скрывать индивидуальность вещи. Семиотика работает там, где материальный контекст можно вынести за скобки. Материальное вторгается в социальное и останавливает логику знака, т.е. логику классической социологии.

Общество как объяснительный механизм вещи заключает её в жесткие рамки пассивной материи. Вещи, лишённые своей непредсказуемости, становятся послушными и безопасными. Послушная вещь исключает не само происшествие, но описание происшествия, экстраординарного события⁹¹. **Лишенная риска вещь ограничивает описательный потенциал социологии.** Как и в классической философии, вместе с вещами за бортом оказывается событие и личность. Как историческая событийность, так и повседневность оказывались вне социологической оптики. **Из рук социологии выскальзывала уникальность, которая есть в историческом поступке и симметричная ей единичность бытового действия.** История и личность, вещь и хаос оказываются содержательно и методологически

---

⁹⁰ Латур, «Когда вещи дают сдачи»

⁹¹ В.Вахштайн, «Экстраординарные события и их описание»

переплетены. И этот клубок является затруднением классической метафизики и социологии.

Все чаще и чаще социологи сталкивались с тем, что общие понятия социального действия, факта, смысла, института, функции являются недостаточными для описания человеческой жизни во всей её сложности⁹². Все больше становилось понятно, что действие может быть содержательно, процессуально, ценностно определено вещью. Пространство социального действия оказывается составленным из вещей. Определение общества становится невозможным без его локализации, которая всегда материальна.

Ко второй половине двадцатого века вещи как фактор, дополняющий понимание социального действия, все чаще попадают в поле зрения общественных наук. «Объекты - совсем как секс в викторианский период: о них негде говорить, но мы ощущаем их повсюду»⁹³. Научно-техническая революция и развитие общества потребления придавали все больше значимости окружающим вещам. Водородная бомба и освоение космоса, первая робототехника, телевизор и автомобиль в каждой семье создавали новые общественные темы и практики.

Таким образом, социология обнаружила неполноту абстрактных понятий для описания индивидуального и коллективного поведения. **В науке об обществе вещь появляется как дополняющий и поддерживающий объяснительную модель механизм.**

Микросоциология. Материальный и практический повороты

---

⁹² Общество состоит из «индивидов», «культур», «национальных государств» так же «приблизительно», как Африка «приблизительно» представляет собой окружность, Франция — шестигранник, а Корнуэлл — треугольник.

⁹³ Б.Латур, «Пересборка социального», стр. 105

В связи с этим в 30-50-ых годах двадцатого века в США появляется микросоциология, внутри которой происходит поворот к практике и далее – поворот к материальному. Микросоциология становится самостоятельной социологической традицией наравне с макросоциологическими подходами Дюркгейма, традицией конфликта и теорией рационального выбора. Она была подготовлена трансцендентализмом Канта, герменевтикой Дильтея и американским прагматизмом. Из более современных направлений философии микросоциология испытала влияние феноменологии, фундаментальной онтологии, экзистенциализма, теории множественных миров Мейнонга.

В лице символического интеракционизма и этнометодологии микросоциология обратилась к повседневности, к «здесь и сейчас» конкретного человека⁹⁴. Оплата налогов, мытье посуды, замена лампочки объявляются социально значимыми. Чтобы человек не делал, он определяется традициями своей социальной среды. Не большой брат, но большое общество смотрит на тебя, когда ты меняешь шину или накладываешь пластырь.

Механические и полусознательные поступки людей объявляются самыми важными для генезиса личности. Также как в эмпиризме Юма, они являются и наиболее достоверными, вследствие своей повторяемости. Привычка больше не вторая, но первая натура. Нет предельного мира смыслов, из которого, как благодать, исходит истинность и ценность. Ломается граница между трансцендентным и сакральным смыслом и имманентной и профанной повседневностью. Повседневность и составляющие её вещи приобретают суверенитет.

---

⁹⁴ Р.Коллинз, «Четыре социологических традиции»

В микросоциологии мир рутинных бытовых действий стал значимым и перестал быть вторичным отражением мира смыслов. Смысл перестает быть трансцендентным. Все идеальное имманентно наличному моменту. Мир микросоциологии – мир тождества настоящего и настоящего. Мир настоящего времени – это мир секунды, мир плоскости. Метафора времени уступает свою роль метафору места. Появляется социология пространства и социальная топология. Метафора пространства позволяет лучше проследивать социальные связи, а также буквально закладывает фундамент для изучения протяженного и материального.

Если смысл локализован в точке настоящего времени, то он создается на месте, в процессе и в практике. В практике создаются идеи, дихотомия субъекта и объекта, цели и средства. Уже не субъекты, но акторы сами создают свои онтологические, аксиологические, этические системы. Микросоциология радикально эмпирична и антиутопична. Не может быть такого места, как утопия, есть параллельное существование гетеротопных чувственных порядков. Абстрактное понятие может быть локализовано до конкретного употребления и не может быть отделено от субъектов, которые его употребляют. Гипероним – это перформатив: что, как, когда с помощью него осуществляют.

Употребление общих понятий определяется наличной практикой, как значение слова – языковой игрой. Здесь можно проследить влияние позднего Виттгенштейна, а также заметить тесное единство лингвистического и прагматического поворота: **если мы делаем язык детерминантой, то выдвигаем на передний план условия и контексты его использования**, одним из которых являются практики повседневности. Связи пространства признаются тождественными связям языка. Язык – это протяженное единство, которое можно и нужно картографировать, территориязировать и детерриториязировать.

Пространство и материя тесно спаиваются с языком, также как лакановское бессознательное, понятие, традиционно связанное с материей, объявляется структурированным, как язык. Подлинный атеизм, пишет Лакан⁹⁵, это не сказать, что Бога нет, это сказать, что Бог бессознателен, т.е. находится во мне, между мной и им нет дистанции. Также в микросоциологии происходит отход от метафизического понятия общества в пользу повсеместно наличных практик, социологического номинализма.

Также, если язык является формой жизни⁹⁶, а метафора организма – одной из главных объяснительных метафор для общества в социологии, то теперь единый организм общества раскалывается на множество параллельно существующих жизненных форм и образует экосистему, подобно тому, как гегелевский линейный подход к истории к концу века раскалывается до локально-стадиального подхода. Прагматический поворот дробит тотальность общества для самодостаточных единиц – практик. Общество становится гетерогенным и подвижным, как делезовская ризома.

Приоритетная форма практики представляет из себя конструкцию – совместное познание и творение жизненного мира с другим. Социологическое понятие конструкции инкорпорирует в себе ряд философских концепций, к примеру идеи негативной диалектики и коммуникативного разума, а также конструирование как феноменологический метод, противоположный деконструкции. От Хайдеггера также заимствуется его представление об истине не как результате, но процессе⁹⁷. Истина – это процесс открытия бытия и пребывания рядом с ним. В индивидуализм Хайдеггера социология добавляет

---

⁹⁵ 6 книга семинаров, «Этика психоанализа»

⁹⁶ Виттгенштейн, «Философские исследования»

⁹⁷ О.Хархордин, «Теория практик», 46-58

элемент классической феноменологии – интерсубъективность. Истина появляется в процессе диалога с другим, конструируется вместе с ним. **Феноменология и фундаментальная онтология создали фундамент для освобождения вещи.** Добавить к ним метафору пространства, и мы получим, что универсальной парадигмой человеческого взаимодействия является игра в песочнице. Метафора игры в дальнейшем станет крайне важной для микросоциологических теорий и социологии вещей в частности, т.к. в игре происходит активная коммуникация не только с партнером, но и с игрушкой, которая перестает быть немой вещью и наделяется личностью. Конструкция как концепт позволяет нам отказаться от иерархического противопоставления субъекта и объекта, а также равномерно распределить активность между участниками социального взаимодействия.

Конструкция имеет важные этические следствия. Она не только призывает к нравственному отношению ко всем участникам социального действия и отказу от восприятия любого актора как средства. Конструктивизм также является защитой от фундаментализма и категоричности любого рода, т.к. показывает идеи и вещи не как что-то данное, а как сконструированное, созданное самим человеком и для человека. Если социальная практика заставляет кого-либо страдать, она может и должна быть пересмотрена. Нет трансцендентальных и вечных оснований угнетения и эксплуатации одного актора другим. Актор способен переконструировать взаимодействия, которые причиняют страдания мирным путем, не уничтожая общий мир. Конструкция стоит между войной и миром⁹⁸. Конструктивизм – это новый гуманизм.

Помимо конструкции заимствуется идея позднего Хайдеггера и Сартра о неукорененности человека в мире, его постоянном отсутствии и нетождестве самому себе. Если человек рожден для актуализации ничто, обладает

---

⁹⁸ Латур, «Надежды конструктивизма»

свободой, но не обладает сущностью⁹⁹, то это же верно относительно общества. У общества есть процессуальность конкретного существования, но не результативность и детерминизм сущности. Если у общества нет сущности, то оно не может определять сущность акторов, как людей, так и вещей. Отсутствие опоры на сущность приводит микросоциологию к радикальному эмпиризму. Антиэссенциализм в общественных науках дает человеку самому определять, что есть он, а что есть вещь. Свобода определений приводит к свободе в действии. Отказавшись от тотальности общества в пользу материальности практики, социология наделила акторов небывалой свободой.

Один из основателей Чикагской школы и ученик антрополога Радклиффа-Брауна, Ллойд Уорнер, соединяет идеи феноменологической социологии и структурализма. Понятие практики и жизненного мира смешивается с понятием ритуала Дюркгейма. Ритуал является моментом максимальной плотности и единства общества, парадигмой его генезиса. Совместно сгенерированные во время ритуала идеи становятся символом социальной группы и основой социальной идентификации. Религиозные практики формируют все другие практики общества. Повседневность ассимилирует религиозную трансцендентность ритуала. При этом, надо отметить, что по своей сути ритуал и обычай – это поверхностные символические слои общества, которые скрывают и обрабатывают бессознательную материю коллектива. Именно материя коллектива, социальное тело обладает подлинной спиритуалистической аурой. Диалектика ритуала и материи общества в дальнейшем станет диалектикой формы и материи вещи, где последней будет придан статус, близкий к сакральному.

Также в рамках рецепции традиции ритуала происходит заимствование идей ученика Дюркгейма, Марселя Мосса, о мане, магической энергии объекта,

---

⁹⁹ Сартр, «Бытие и ничто»

которая заставляет его действовать. Мана вещи – это прообраз души человека, который подарил вещь¹⁰⁰. Человек отпечатывает в вещи свою душу, которая позволяет этой вещи быть актором. Здесь мы впервые встречаем важную для последующей социологии вещей образ хозяина\дарителя вещи как источника её человечности, а также саму по себе метафизическую идею души.

Еще один важный метафизический элемент микросоциологии – это множественная онтология, полученная ей в наследство от феноменологического понятия жизненного мира Гуссерля и регионов бытия Хайдеггера. Мы затронули её, когда говорили о суверенных до гетерогенности порядках практик. Каждая практика образует свой жизненный мир, которые существуют параллельно друг другу.

Повседневность – это приоритетный жизненный мир человека, однако он не является единственным. Помимо повседневности существуют миры игры, театра, ритуала, сна, безумия, праздника и т.д. Каждый из них обладает своими правилами, семантикой, режимом вовлеченности. Существование этих миров не является предписанным, они конструируются в человеческой практике. Существование – это предикат наличного, реальность – это предикат релевантного, значимого. Один и тот же материальный объект может быть реальным в разных жизненных мирах, может быть носителем разного онтологического статуса. Будучи сконструированными, миры практик становятся не менее реальными, чем налично существующая повседневность. Человек наделяется способностью творить новые миры. Отличие от метафизики в том, что теория практик не выделяет приоритетной практики по образу верховного мира идей, а постулирует независимое и самоценное существование множества онтологий.

---

¹⁰⁰ М.Мосс, «Эссе о даре»

В связи с этим возникает вопрос об онтологической хореографии – вопрос соединения миров между собой. Одним из способов связки является транспонирование – перенос структуры явления из одной практики в другую. Шутка, театр, кинематограф представляют из себя транспонирование первичной реальности в другие жизненные миры. Такое повседневное действие, как укачивание младенца может быть разыграно в разных практиках. Как выдумка – укачивание младенца как часть спектакля. Как церемониал – укладывание августейшего младенца на глазах у публики. Как пересадка - Маргарет Тэтчер на публике укачивает младенца одной из своих служащих, дабы показать журналистам, что даже в ней есть что-то человеческое. Как техническая переналадка – обучение укачиванию младенцев на курсах молодых матерей¹⁰¹. Транспонирование обеспечивает единство общества и саму возможность коммуникации между индивидами. Возможность переноса неотделима от мультипликации практик и контекста взаимодействия, который объявляется одной из отличительных способностей человека. Мир животных не знает транспонирования и множественных миров. Человек – это тот, кто может переносить свою первичную практику в другие миры и другим людям.

Делающее возможным сообщение между мирами и людьми понятие транспонирования не лишено метафизического потенциала. Во-первых, потому что подспудно предполагается наличие некоторой всеобщей понятной реальности, а также структуры. Во-вторых, потому что действие в ряде реальностей перестает быть знаком самого себя и отсылает к другим не присутствующим, а возможно и несуществующим реальностям. Действие становится бесконечной отсылкой к какому-либо другому действию, и, как в космологическом аргументе, для понимания должна быть найдена некая терминальная реальность. Таким образом, понятие коммуникации и творения новых практик оказывается зависимым от метафизической иерархии.

---

¹⁰¹ В.Вахштайн, «Социология повседневности и теория фреймов»

Поворот к практике был важным этапом подготовки мышления вещи. Вместе с тем микросоциология не была до конца последовательна в мышлении материального и волей-неволей переняла от некритической социологии стабилизирующе-ограничивающие черты. Вещь не смогла быть полноценно репрезентирована не вследствие идеи или смысла, но языка, который занял их место. Практический поворот неотделим от лингвистического. Сюда же добавляется влияние структурализма и его панлингвизма. Леви-Стросс: «Структура мифа – это структура духа». Структурализм продолжает идеалистическую линию в философии, где вечные идеи заменены не менее вечными структурами мифа, родства, языка. А, как мы уже много раз видели, вечность плохо схватывает единичное и изменчивое.

В символическом ключе вещь трактует представитель Чикагской школы социологии, Эрвинг Гофман. Для Гофмана вещь, в первую очередь, это сообщение, расшифровывая которое участники социального процесса, получают информацию о взаимодействии¹⁰². Парты и доска, капельницы и кровати, чеки и касса указывают человеку на то, как ему следует себя вести. Вещь – это коммуникационный фрейм, определяющий взаимодействие. Материальные объекты - это декорации и реквизит того театрального действия, что разыгрывается между людьми. Вещь – это маркер, якорь и индексный знак того, что скрыто за взаимоотношениями. В трудах этнометодологов происходит дальнейшая символизация вещи. Однако она происходит вопреки материальному компоненту вещи: для Гофмана материал шахматных фигур вторичен по отношению к вечному миру правил игры¹⁰³.

---

¹⁰² Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. Стр. 54-118

¹⁰³ Э.Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта, с.621

Единство языка теперь собирает единство общества. Метафора мира как текста продуктивна, но продуктивна только на страницах книг, а не в реальной жизни. Она обеспечивает свободу высказывания ученого, но не свободу действия индивидуальной личности. Относительно эпистемологии вещи, общее слово не может вместить себя чувственное разнообразие материальных объектов. Языковые структуры являются трансцендентными наличным вещам. Новый роман оказывается романом не о вещах, но о языке. Поэтому о вещи получается говорить, как о слове и символе, но не материи. Однако неизбежная связь вещи с языком позволило в дальнейшем тематизировать общение с вещью как диалог и вместе с тем создать антропоморфный образ вещи. Перенос идеального характера языка на вещь в дальнейшем помогло создать её человеческий облик.

Проблема познания единичного – это проблема создания новых слов и новых языков. Создание новых языков неотделимо от создания нового типа личности, генезиса нового человека и его свободы. Первичная тоталитаризация общества происходит через ограничение его словаря, а ограничение личности через замену имени цифрами и бессвязными буквами. Поэтому революции в гуманитарном мышлении, создание новых языков описания будет неотрывно связаны с понятием вещественного, непослушного и выбивающегося из генерализирующего характера языка.

Таким образом, заслуга микросоциологии и практического поворота в частичном отходе от ригидности классической социологии, в синтезе феноменологии и структурализма, тематизации пространства, сознании конструктивизма как методологического и онтологического принципа, множественной онтологии, снятии субъект-объектной дихотомии, расширению понятия актора и возвращению к эмпиризму. Все эти концепты привели к постепенному генезису социологии вещей, как мы её знаем.

Перед тем как мы непосредственно перейдем к акторно-сетевой теории, необходимо отметить несколько побочных мыслителей вещественного и их концепции.

Упомянутый заслуживает взгляд социального антрополога Игоря Копытоффа, его «культурная биография вещей»¹⁰⁴. Ее основное положение можно суммировать: вещь приобретает субъектность, а также ее линейное выражение – биографию\историю в результате **использования и владения человеком**. Субъективность вещи – это отражение субъективности человека. До приобретения вещь – это безличный товар, после – продукт истории и культуры. **Хозяин делегирует свою личность вещи. Хозяин задает биографию вещи.** Когда мы говорим о личности вещи, мы говорим о личности её хозяина. Хозяин вдыхает в вещь душу, как Яхве в Адама. Пространство взаимодействия с вещью личностно заряжено, одушевлено, представляет из себя диалог, историю, сказку тысяча и одной ночи, где в роли Шахерзады – человек, а вещь внимает ему точно Шахрияр.

Важное замечание автора: биография создается владельцем, но отсылает к функциям, которые объединяются вокруг общественных ценностей. Т.е. душа вещи задается ее функционалом, а последний - аксиологией, иерархией ценностей. Использование вещи невозможно без феноменологического горизонта, без вертикали вечного. Под пером социального антрополога это обратимо: нет аксиологического ядра - нет нарратива, нет нарратива - нет субъективности, нет человека. В отношении владения, пользования и распоряжения можно считать историю общества и статус субъекта в нем, событийность и субъективность. Что можно обобщить авторской цитатой: *Можно провести аналогию между тем, как общества создают индивидуумов, и тем, как они создают вещи.* Т.е. тут мы видим двойное

---

¹⁰⁴ Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. стр. 134-169

метафизическое центрирование сначала на уровне личности хозяина, а потом на уровне ценностей, от которого зависит сама возможность владения.

Еще одна концепция вещи заслуживает места на этих страницах, а именно идеи философа науки и социального психолога Рома Харре¹⁰⁵. Его заслуга лежит, **во-первых, в расширении понятия вещественного**: от простых объектов до частей тела, органов чувств и способностей, т.е. в расширении социологии вещей до социологии телесности, можно сказать до антропологии. Тело – это вещь, а вещь – это тело. Тут мы можем заметить важный для нас в дальнейшем принцип симметрии. Во-вторых, в переходе от культурной биографии Копытоффа, конкретной и собственнической, к эксплицитному понятию нарратива. Вещи становятся социальными благодаря нарративу. Нарратив означает вещь. Нулевой нарратив – это инструкция по применению, полноценный нарратив – это сказка и миф. Именно миф создают пространство общества.

В сказках и мифах можно проследить, как повествование центрируется вокруг волшебного предмета: Золушка и туфелька, Белоснежка и яблоко, Спящая красавица и веретено; Ясон и Золотое руно, Персей и голова Медузы, Самсон и волосы. Вещь вводит в повествование сверхъестественную силу, магию, т.е. отличное от обыденности время, то время, о котором можно и нужно рассказывать.

В одной своих последних работ Агамбен¹⁰⁶ пишет о счастье, как Эпикур о смерти: когда есть счастье, нет субъекта, когда есть субъект, нет счастья. Счастье и наслаждение растворяют личность в бытии. Говоря словами классика: счастливые часов не наблюдают. Волшебная вещь, согласно Агамбену, помогает синхронизировать существование моего «Я» и счастья.

---

¹⁰⁵ Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. Стр. 118-134

¹⁰⁶ Дж. Агамбен, «Нагота»

Вещь оказывает костылем моей субъективности, благодаря которой я и счастлив, и являюсь собой. И самое главное, это вещь – зачин повествования и речи, она же и его конец. Таким образом, неотделимые друг от друга нарратив и вещь оказываются фундаментом коллектива и личности.

Подытожим, рассмотренными теоретиками в эпистемологию вещи были внесены значимые и близкие к метафизическим концепции хозяина, телесности и нарратива. Произошла соматизация, нарративизация вещи и привязывание её к понятию автора. В дальнейшем мы увидим их прочное единство в акторно-сетевой теории.

Акторно-сетевая теория

Акторно-сетевая теория возникает в конце 20 в. Она представлена, в первую очередь, именами Джона Ло, Мишеля Каллона и Бруно Латура. Будучи неклассической эпистемологией, она не делает иерархических различий между наукой и технологией, наукой и другими видами знания, признает конструктами дихотомии истины и лжи, природы и общества, процесса и структуры, текста и контекста, человека и не-человека¹⁰⁷. В акторно-сетевой теории происходит окончательная кристаллизация вещи как актора, как действующей и наделенной субъективностью. Если микросоциологию вещи интересуют постольку поскольку они связаны с повседневным действием, то АСТ признает суверенный характер вещей, их право на голос вне взаимодействия с человеком и бытового контекста. Таким образом, с переходом социологии в разряд неклассической эпистемологии существенно расширяется её предмет, который ведет к ряду метафизических вопросов и не менее философских ответов на них.

---

¹⁰⁷ В. Лекторский, «О классической и неклассической эпистемологии»

Появление акторно-сетевой теории было результатом последующего развития идей конструктивизма, их симметричного перенесения на работу ученого. Сильная программа в социологии научного знания признает, что никакое знание не существует вне социальных факторов. Социологизм приходит на место психологизма. Конструктивизм является не только всеобщим коммуникативным принципом между людьми, но также и принципом познания, взаимодействия ученого со своим объектом. Лаборатория – это стройплощадка личности¹⁰⁸. Знание конструируется в процессе общения между ученым, сообществом и объектом. Ученый – это переводчик речей физических объектов, связывающее звено между обществом и природой¹⁰⁹.

Наука – это форма социальной активности, которая не обладает автономным культурным статусом. Познание не монологично и даже не диалогично, а полилогично. Исследование – это дирижирование оркестра многих голосов и трансляция их на язык сообщества. Если раньше вещь была медиатором коммуникации субъектов, то теперь ученый – медиатор социальной и физической реальности, гибрид, маргинал и киборг, соединяющий два мира. Понятие конструкции является продуктивной методологической метафорой, позволяет прислушаться не только к сообществу, но и к своему предмету исследования, вступить с ним в общение. Диалог со своим текстом и персонажами – одна из техник креативности в обучении будущего писателя¹¹⁰. Однако в постмодернистском мире нарративов общение со своими идеями перестало быть прерогативой художественной литературы.

Конструкция позволяет не только выявить ранее невидимые при субъект-объектной дихотомии черты изучаемого актора, но и понять условное и обязательно, конвенциональное и корреспондентское в социологической

---

¹⁰⁸ Латур, «Надежды конструктивизма»

¹⁰⁹ M.Callon. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Briec Bay

¹¹⁰ Э.Ламонт, «Птица за птицей»

концептуализации. Конструкция легитимирует переход от теорий истины соответствия к конвенциональным теориям истины в социологии. Понимание своих фундаментальных положений как результатов конструкции стало продуктивным рефлексивным принципом в социологии, дало толчок для дальнейшего развития социологии знания и социологии науки и технологий.

Собственно, именно в недрах социологии науки, исследования науки и технологий, STS, происходит зарождение акторно-сетевой теории. В 90-ых годах 20 в. социологи приходят в лаборатории, чтобы доказать социальную природу научного знания, произвести эпистемическую интервенцию в естествознание. Логика развития социологии требовала экспансии в другие науки, и в этом им помогла вещь. Вещь, техники обращения с материальным объектом помогли социологии внедриться в другие науки.

Если раньше социологи присоединяли новые регионы исследования через изучение соответствующих социальных групп, к примеру, врачей, воспитателей, ученых, то теперь достаточно изучить способ обращения с конкретной вещью в их кругу. Вещь становится дорожным знаком социологической мысли, меткой, что она здесь проходила и указателем, как ехать дальше. Материальное в социологии – королевская дорога экспансии в повседневность и интервенций в другие науки.

Впустить в социологию вещь — значит не только впустить ее в другие науки. Рассмотрение предметного в социологии не только присоединяет другие регионы, но устанавливает модель социологического объяснения как приоритетную. Социология становится общегуманитарным проектом, объединяет науки, как раньше это делала философия. Геометрические аксиомы и законы термодинамики начинают рассматриваться как социально сконструированные. Развитие социобиологии, этологии, психологии ставится

в прямую зависимость от ответа на вопрос о сущности социального актора¹¹¹. Расширяясь, социология увеличивает свой удельный вес в научном сообществе, занимает былое место философии, становясь более синтетичной и фундаментальной. Тем самым, она реализует себя в качестве наиболее синтетической науки, венчающей систему человеческого знания. Пытается занять то место, которое ей отписал отец-основатель Конт.

Расширяясь, социология становится наукой о связях – о всем том, что собирает общество, человека и вещь в единство. Различается понятие природной и социальной сборки, в содержание которого попадает любой материальный или идеальный объект. Социология – наука о скрепляющих единство связях, т.е. наука о сущности. Понятие сборки как результата можно условно уподобить понятию сущности, понятие сборки как процесса и связи подобно категории сущности. Если общество является всепроникающей реальностью, то социология становится наукой о сущности и существовании, то есть онтологией.

Если знание – это продукт общества, то своя социология должна быть у каждой научной дисциплины. В приложении к другим наукам социология становится их критической эпистемологией, объединяет их и становится общей научной парадигмой. «Социологи социального вообразили, что социология ограничивается конкретной областью, тогда как социологи должны проникать всюду, где бы ни создавались новые гетерогенные ассоциации¹¹²». Первичное значение корня слова «социум» - «seq-, sequi» - следовать, как оно сохранилось в словах «консеквент» или «секвенция». Латинское слово «socius» означает «спутник», «товарищ». Возвращаясь к первичному значению своего корня, социология становится обязательным спутником и товарищем любой познавательной активности.

---

¹¹¹ Б.Латур, «Об интеробъективности»

¹¹² Б.Латур, «Пересборка социального»

Главным вопросом социологии становится вопрос о том, как собрать общий жизненный мир, гармоничное intersубъективное пространство, в котором возможно понимание и действие. Помимо того, что сама по себе задача сборки подобного мира отсылает нас к утопиям 16-17 вв., которые, как мы показали, тесно связаны с существованием метафизического единства¹¹³, самоопределение социологии как науке о связях делает её наукой о сущности. По этой причине для социологии становится крайне релевантен вопрос – **что есть сущность**, т.е. конечный результат конструкции и сборки. От вопроса о сущности недалеко до вопросов о природе существования и бытия.

Вопрос о сущности обостряется ассимилирующим характером современной социологии. Если все знание может быть признано социально сконструированным, то чем естествознание отличается от социологии? Что такое наука и может ли существовать наука об обществе? Чем общество отличается природы? В чем сущность каждого из них? А также в чем сущность составляющих их элементов – человека и вещей? Таким образом, расширяя свое предметное поле, социология приходит к кризису идентичности и необходимости ответа на предельные метафизические вопросы. Уже в попытке стать всеобщей наукой социология становится метафизичной, обратно возвращается к классической философии и некритической социологии. Как описывает этот кризис Бруно Латур: с социальными науками все прекрасно за исключением «социального» и «науки» в них.

Вещь как объект исследования позволяет социологии присоединять к себе другие науки и регионы действительности, т.е. она служит расширительным механизмом науки об обществе. Однако она же имеет и противоположную

функцию сдерживания социологии, превращения её обратно в критическую: «Когда исследования науки и техники расширяют общественные науки до сферы собственно разума, они вынуждены расставаться с разумом»¹¹⁴. «Если естественные науки будут подменены социальными, то будучи парадигмой объективности для общественных, что останется от истинности последних»¹¹⁵?

Материя – это урок специфического и незаменимого¹¹⁶, парадигма объективности. Если любая истина является социальным конструктом, продуктом договоров и переговоров, то не существует автономной от человека истины, истины самой по себе. Если не существует неконвенциональной истины, то последняя не может считаться истиной. Чтобы быть истинной конструкция должна сопровождаться неконструируемым материалом. Именно отгалкиваясь от упрямой материальности вещей, мы познаем, что может быть изменено в науке и обществе. Мы познаем подлинные возможности конструктивизма, когда сталкиваемся с неконструируемым.

«Если социальная интерпретация естественных наук состоялась, значит — она провалилась, а вместе с ней и все общественные науки. Если же она неудачна, то она интересна, но до того бессодержательна, что мы теряем предмет изучения и вряд ли можем считать себя учеными»¹¹⁷. Непокорность, молчаливость и безразличие естественных объектов делают возможной истинную и интересную речь о них. STS - естественно научный двойник социологии, удерживающий ее в своих рамках.

---

¹¹⁴ Б.Латур, «Надежды конструктивизма», стр. 345

¹¹⁵ Б.Латур, «Когда вещи дают сдачи»

¹¹⁶ Б.Латур, «Когда вещи дают сдачи»: *felix culpa* конструктивизма помогла прояснить общее свойство всех объектов: они настолько специфичны, что их нельзя заместить чем-то другим

¹¹⁷ Б.Латур, «Надежды конструктивизма», стр. 340

Таким образом, молчаливое указание на непроницаемость и непознаваемость материи служит сущностному самоопределению дисциплины. Материальная вещь одновременно и расширяет, и сдерживает социологию, динамизирует и стабилизирует науку об обществе, т.е. собирает её, придает ей сущность. Указание на вещь – один из способов определения, чем является и не является современная социология.

Объективный, противоборствующий характер вещи имеет также этически важное измерение – он является условием человеческой свободы и автономии. Как мы признаем непознаваемость вещи, её способность действовать вопреки всем нашим концептуальным схемам, мы признаем и возможную свободу человека. Производство знания и производство субъекта неотрывны друг от друга. Статус свободы человека обратно пропорционален нашему гносеологическому оптимизму и категоричности. Как материя и творение может открываться автору в своих свойствах, превосходить его¹¹⁸, так и человек может выходить за рамки формального определения своей сущности и возможностей. Поэтому, когда социология говорит об агностицизме в познании вещи, асинхронии социального и материального, о материи как слепом пятне познания, она говорит о свободе личности.

Подчас именно вещи являют нам должный образец автономии: «Субъекты, в отличие от вещей, сдаются так быстро, что превосходно играют роль тупого объекта, стоит «людям в белых халатах» попросить их пожертвовать сопротивлением во имя высоких научных целей»¹¹⁹. Возражающая способность материи, её неподрачетность становится парадигмой и убежищем для человеческой субъективности и свободы.

---

¹¹⁸ В беседе с кукловодом выяснится, что марионетки не перестают его удивлять. Он заставляет марионетку делать вещи, которые невозможно свести к его собственным действиям и которые сам он делать не умеет — даже потенциально. Фетишизм ли это? Нет, это просто признание того, что наши творения превосходят нас. Действовать — значит опосредовать действия другого. Б.Латур, «Об интеробъективности»

¹¹⁹ Б.Латур, «Когда вещи дают сдачи»

Этика социологии вещей подобна фотореализму картины Г.Рихтера «Бетти»: удивительно живое изображение девочки, которая отвернулась от нас, т.к. фотография не может изобразить истинной индивидуальности человека. Картина, маскируется под фотографию, чтобы показать ограничения цифрового\научного изображения человека. Но и обладая способностью показать характер, рисунок намеренно молчит и лишь вскользь указывает на неё.

Таким образом, в социологии вещей подчеркивается стабилизирующий познание и этику аспект материальных объектов. Стабилизирующее в вещи – это её неуничтожимая материальность. Однако вещи не являются абсолютными гарантами неподвижности и вечных сущностей, они обладают изменчивой формой. Благодаря концептуализации формально-функциональных изменений вещи, акторно-сетевая теория приобретает большой динамический потенциал.

АСТ радикализирует процессуальность практики до идеи поточности. Потоки акторов образуют сети, вынесенные в название. Сеть – это активный аспект множества акторов. Единичный актор формируется в результате потока, циркуляции других акторов вокруг него. «Поток – это интуиция, согласно которой что бы там ни было вовне, оно является структурой с подлежащей открытию формой, избыточно заполнено гетероморфными потоками, вихрями, течениями, водоворотами, непредсказуемыми изменениями, штормами и моментами затишья и спокойствия, а также создается в них»¹²⁰.

Метафора потока позволяет максимально приблизиться к вещи в её индивидуальности и конкретике, в её индексичности и изменчивости. Привилегированный объект АСТ – это дестабилизированная вещь, поточный

---

¹²⁰ Дж.Ло, «После метода», стр.328

объект, объект без субстанциального ядра, объект, меняющий свою форму и функцию. Объект, на который можно указать как на кусок свободно формируемой материи. К примеру, втулочный насос в Зимбабве от села к селу меняет свой облик, а подчас и назначение, переставая быть насосом¹²¹. Подобный подход позволяет ближе приглядеться к генезису вещи, привязать индивидуальные свойства к конкретному времени и пространству.

К примеру, социальная топология Джона Ло локализует объект в сети его отношений с людьми, с подобными объектами и своими частями¹²². При потере одной из сторон отношений, вещь теряет свою сущность, становится другой вещью. Так, корабль Тесея даже при замене досок не может быть признан тем же кораблем, т.к. именно отношение с командой делало его особым кораблем.

Португальский галеон становится тем, что он есть, пока он связан с товарами, людьми и другими галеонами. Любое нарушение отношений трактуется как пространственный разрыв в сети, приводящий к появлению нового объекта. Подход Джона Ло продолжает его ученица Эннмари Мол, которая показывает, что в медицине не существует единого образа тела, каждый раз оно конструируется заново.

Потоки организованы в сети. По сетям циркулируют абстрактные понятия, непривязанные к конкретным материальным объектам. Сила и субъективность - то, что циркулирует между объектами¹²³. Непривязанные к вещам, абстрактные понятия приобретают самостоятельное существование. В онтологической автономии идей вне связи с материальными объектами можно разглядеть некое возрождение идей средневекового реализма, только универсалии существуют уже не в уме Бога, но в коллективном сознании

---

¹²¹ Б.Латур, «Нового времени не было»

¹²² Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. Стр 223-244

¹²³ Социология вещей, стр. 190

общества. Сам Бруно Латур называет это не реализмом, но спиритуализмом¹²⁴. Начав как радикально номиналистическая, социология вещей становится кошмаром бритвы Оккама, возрождает реализм и дарует самостоятельное персонализированное бытие вещам и понятиям.

Как объект и субъект, так и метафизические понятий конструируется в практике и становится независимым актором. Конструирование понимается не только как оживление, но и наделение душой и способностью действовать. Т.е. понятие вещи, а значит и актора расширяется до любого медиума социального взаимодействия, т.е. до языка с его абстрактными понятиями, пространства и времени. В рамках акторно-сетевой теории становится легитимным разговор о действующем времени как Хроносе, а действующей материи как Реи.

АСТ совершила большой шаг то ли вперед, то ли назад, когда ранее невыраженное понятие актора, подчерпнутое из микросоциологии, начало мыслится по образу человека. Благодаря симметричной антропологии неявные акторы стали более заметны. Представление объекта по образу и подобию человека моментально заставляет внимательнее относиться к нему, придавать ему большую способность действовать и чувствовать. Так, люди бессознательно нарушают меньше правил дорожного движения, если регулировщик имеет образ полицейского¹²⁵. Мы имеем больше симпатии к детенышам тех млекопитающих, которые больше похожи на человеческих младенцев. Поэтому симметричное распределение человечности между вещами и людьми, наделение первых антропоморфными чертами, способностью действовать, чувствовать и говорить было логичным шагом в развитии конструктивизма, делающим акторов более явными и способными к действию.

---

¹²⁴ Б.Латур, «Об интеробъективности»

¹²⁵ Б.Латур, «Об интеробъективности»

Антропоморфный характер любого актора схватывается уже в языке: «Доводчик бастует» - язык подсказывает нам человеческое мышление вещей. Анимизм вписан в наше бессознательное восприятие мира. Это знал еще Ксенофан¹²⁶, но забыло Новое время. Человеческое лицо – одно из первых объектов, который может сознательно различать новорожденный. В детстве мы воспринимаем мир как одушевленный и человеческий. Образование и примат целесообразности заставляют нас забыть о первоначальных интенциях восприятия. Однако АСТ делает видимыми наши первоначальные феноменологические структуры, первичный *антропоморфный априоризм*, к которому мы время от времени возвращаемся.

Как признается один из главных теоретиков социологии вещей, Бруно Латур: «Я постоянно говорю с моим компьютером, который дерзит мне; я уверен, что вы клянете свою старую машину; мы постоянно наделяем таинственными способностями гремлинов, живущих внутри всех мыслимых домашних приборов, не говоря уже о трещинах в бетонном покрытии вокруг наших атомных электростанций»¹²⁷.

В акторно-сетевой теории впервые был научно исследован феномен разговора с вещами. С первобытных времен человек разговаривал с физическими объектами: идолами, природой, собственностью. Молитва, жертвоприношения, ритуалы представляют из себя способы субъективации вещей. Во время неудачной переправы через Геллеспонт персидский царь Ксеркс I велел выпороть плетью море. Средневековое судопроизводство знает множество примеров обвинительных процессов над животными. В

---

¹²⁶ Если быки, или львы, или кони имели бы руки,
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,
А у быков непременно быков бы имели обличье;
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

¹²⁷ Б.Латур, «Где недостающая масса?»

1474 г. в Базеле петух снёс яйцо, за что был обвинен в связях с Сатаной и сожжен вместе с яйцом. И по сей день люди говорят со своими машинами, ноутбуками, мебелью, косметикой¹²⁸, денежными вкладами, домашними животными – вещами, которые не имеют человеческого сознания. Однако недостаточная рациональность вещи не становится барьером для коммуникации.

Более того, если бы человеческое восприятие не было изначально антропоморфно, человечество никогда бы не создало интернет вещей – постепенную компьютеризацию объектов быта с возможностью диалогового чата. В будущем бытовая техника, одежда, автомобили уже будут выпускаться с личностным интерфейсом, наподобие Siri. Наше априорно антропоморфное восприятие начинает создавать вещи по своему образцу. Человеческий образ – трансцендентальная форма восприятия.

Антропоморфизм нашего восприятия распространяется не только на вещи, но и на людей. Априорный антропоморфизм имеет следствием универсальность процессов наделения душой, становления человека. Процесс субъективации един как в отношении вещей, так и людей. К примеру, мы субъективируем звезд экрана, когда предписываем им личность, производную от образа в фильме. Мы мысленно наделяем человека способностью чувствовать и думать, сообразно своей собственной. То, как мы распределяем душу между объектами внешнего мира, зависит от наших метафизических посылок. Важно отметить, что осознание всеобщего-акторного характера действительности идет в социологии почти параллельно с признанием потового существования общих понятий.

Когда писатель создает персонажа, он наделяет его своей душой. Создание различных героев позволяет стереоскопически взглянуть на проблему, вокруг

---

¹²⁸ Н.Вульф, «Миф о красоте», стр. 176-177: Женщины наделяют косметические продукты теми качествами, которые хотели бы видеть в мужчинах (...) Реклама предлагает «больше заботы», «особую заботу», «интенсивный уход», «уход, полный любви» и т.д.

которой разворачивается повествование. Писатель как бы возвращается в детство, когда любая вещь могла стать предметом игры или сказки. По-настоящему творческий человек осознает формальность деления на субъект и объект, идеи и вещи, что позволяет создавать ему живые миры. Акторно-сетевая теория обладает значительным креативно-исследовательским потенциалом, производным от философии и во многом объясняющим её популярность.

Вещи антропоморфны. ἀνθρωπος и μορφοσ вместе означают либо то, что имеет человеческую форму, либо то, что придает форму людям¹²⁹. Вещи антропоморфны не только в силу нашего восприятия, но и по своим функциям: они произведены нами, они замещают наши действия, и они формируют наше поведение, в том числе нашу мораль, наш человеческий облик.

Как вещи влияют на человеческое поведение? Выше мы говорили, что непроницаемость материи для познания создает условия для свободы человека, пространства его потаенности, куда не может дотянуться рука рационального общества. Также мы говорили, что своей материальностью вещь стабилизирует социологию и общество, делает их континуальными, а не дискретными. Делегирование своих нравственных обязанностей вещам придает реальности плотность и стабильность. В отличие от изменчивых людей, вещи гораздо константней в своей морали, служат для нас образчиком постоянства. Вещь – точка устойчивости морального поведения. «Знание, мораль, профессиональное мастерство, принуждение, общительность являются качеством не людей, но людей, сопровождаемых целой свитой делегированных персонажей. Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, это означает, что изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во

---

¹²⁹ Б.Латур, «Где недостающая масса?»

внимание не-человеков»¹³⁰. Благодаря будильнику мы не опаздываем, с помощью весов и сантиметров мы контролируем пищевое поведение и грех чревоугодия, ремень делает детей послушными.

Вещи играют значительную роль в становлении моральной личности. Вещь частый делегат общественной морали и актер нравственности. В этом вещественные делегаты морали подобны наркотикам; начинаешь с легких, а заканчиваешь тем, что сидишь на игле¹³¹. Нам нужно постоянное увеличение этической роли вещи. Нельзя отделить материальные объекты от содержания наших этических максим и нравственного поведения. Это было бы равносильно отделению человека от собственного тела, которое в расширительном значении также понимается как вещь.

Таким образом, вещи антропоморфны вследствие того, что, во-первых, наше восприятие первоначально антропоморфно. Мы априори наделяем мир способностью думать и чувствовать. Во-вторых, потому что они участвуют в наших действиях как выраженные и невыраженные коммуникационные партнеры. В-третьих, потому что ряд этих действий может расцениваться как воспитывающий человека, создающий нашу собственную антропоморфность.

Вещи стабилизируют реальность постоянством своей материи, а также тем, что указывают на отсутствующие реальности, со своими правилами и порядком. Вещь собирает время – настоящее, прошлое и будущее. Фотографии напоминают нам о былом, таймер – о настоящем, список дел – о будущем. Вещь может сигнализировать о реальности, трансцендентной наличному жизненному миру. **Крайний эмпиризм в мышлении практик заставляет признавать трансцендентной любую другую практику.** Вещи

---

¹³⁰ Б.Латур, «Где недостающая масса?»

¹³¹ Там же

– мосты и посланники других миров и других людей, которые живут в этих мирах. Возможно, поэтому ряд людей старательно пытается найти мощи, Святой Грааль, Лох-несское чудовище, йети, обломки космических кораблей. Не-человеки – это источники недостающей этической массы¹³², отсутствующего означающего.

Но что есть отсутствующая этическая масса, указание на которую заставляет человека нравственно поступать? Как и Марсель Мосс, Валерий Подорога и Ром Харре Бруно Латур вводит фигуру автора¹³³. Если в философии автор умирает, то через пару десятилетий он воскресает в акторно-сетевой теории.

Помимо этической функции, которой автор осуществляет через вещи, автор является механизмом для уяснения сути вещей. Как и Харре, вещь становится понятной, потому что она когда-то принадлежала другому человеку. След автора – то, что определяет сущность и функцию вещи, делает её понятной и применимой. Когда автор создает вещь, он опредмечивает её цели и функции, а также создает образ пользователя. Опираясь на образ пользователя и автора, мы можем познать вещь и взаимодействовать с ней. То есть автор имеет выраженную гносеологическую и перформативную функцию.

Поскольку в акторно-сетевой теории понятие вещи распространяется и на язык и текст, то автор делает возможным их понимание и применение, то есть индивидуальную речь. Акт авторства – это акт создания читателя и себя, своей речи. Наша речь несет в себе первоначальный образ автора. А поскольку речь является общей парадигмой для творчества, нет креативности, которой осуществлялась бы вне символического медиума, то связь с Автором оказывается основанием уже моего творчества, моей

---

¹³² Там же

¹³³ Далее все по статье «Где недостающая масса»

демиургической активности. То есть к гносеологической функции автора прибавляется творческая функция.

Автор – тот, кто дает лицо человеку и вещи, стоит за механизмами субъективации. Решение о наделении душой – это решение автора. Мы обнаруживаем чужую душу как первоначальный образ автора в вещи. Автор дает вещи субъективность *ad imaginem et similitudinem Dei*. «Автор произведения (*enunciator*) — словосочетание, обозначающее как автора текста, так и механиков, которые изобрели вертел, — волен поместить, а волен и не помещать репрезентацию себя самого или себя самой в сценарий». Но, как пишет Латур дальше, рано или поздно автор делает себя явным. Акторно-сетевая теория оказывается деятельности по проявлению автора.

Подытожим, фигура автора является центральной для социологии вещей Латура. Автор делает вещи стабильными, познаваемыми, определяет их использование и сущность, через вещи передает людям правила морали, а также делает возможным саму речь, познание и творчество. Помимо этого, автор придает вещам лицо и субъективность. Бессознательный антропоморфизм человеческого восприятия неразрывно связан с фигурой автора.

Нетрудно заметить сходство фигуры автора с фигурой бога. Интересно отметить, как социология, намеренно позиционирующая себя плоской, постепенно выстраивает свой предмет вокруг такого иерархического понятия, как бог. Что ни в коем случае не свидетельствует об истинности божественного бытия, которое вне нашего опыта и суждений, а скорее говорит о перманентном стремлении человека создавать себе структурированную внефизическую реальность. Наличная социальная практика, общественное существование *per se* и *par excellence* обнаруживают свою недостаточность для объяснения всего разнообразия человеческого

поведения. Социологии приходится вводить новые метафизические понятия, одним из которых стала вещь, неотрывно связанная с сетями и автором. Не познаваемая до конца материальность вещи становится условием автономии личности, а разнообразие мира вещей отражается в разнообразии возможных поступков человека, т.е. свободе.

Начинаясь как позитивное знание, свободное от метафизики и религии, социология для полноты своих объяснительных моделей была вынуждена вернуться к предыдущим этапам развития знания, признать, что познание нелинейно, а метафизика, наука и религия сосуществуют в мышлении человека, образуя пестрый палимпсест. Оборачиваясь назад, заимствуя из философии и религии, социология становится асинхронной и анахраничной, т.е. по-настоящему современной. Современник – это тот, кто способен писать, обмакивая перо в мрак настоящего, в темноте космоса видеть движение звезд¹³⁴, а в материальности вещи – автора.

Подытожим метафизические черты социологической мысли:

- Во-первых, вопреки постулируемой установке на позитивность исследования, отделившись от философии, социология не могла не перенять её унифицирующий стиль мысли. Классическая социология заменяет тотальность идеи тотальностью общества, которое является познавательным конструктом ученого. Такой подход создает иерархию, растворяет вещь в социальном, не учитывает специфики материального и разнообразного. Неспособный описать разнообразие вещей и взаимодействий с ними, социальный детерминизм оказывается бессилён в описании повседневного, случайного и исторического. Поэтому в первой трети двадцатого века социоцентризм как стратегия объяснения вещественного постепенно сдает свои позиции. Также социология не избежала заимствования традиционно

---

¹³⁴ Дж. Агамбен, «Что современно?»

метафизических понятий ценности, смысла, жизненного мира, структуры и т.д.

- Во-вторых, пришедшая на смену традиционной науке об обществе, микросоциология с её понятием повседневности и практик признает трансцендентный характер практик по отношению друг к другу. Практики автономны по отношению друг к другу, но сообщение между ними возможно с помощью потенциально метафизического понятия транспонирования, предполагающего некоторую базовую структуру социального взаимодействия и общую реальность, к которой могут быть редуцированы все практики. Без этой структуры и реальности взаимодействие между практиками, жизненными мирами и людьми оказывается невозможным.

- В-четвертых, понятие практики эволюционирует до понятия конструкции, которая снимает субъект-объектную дихотомию, признает активность всех участников коммуникации, что может быть расценено как некий отход в сторону пантеизма, а в последствии и анимизма. Вещи наделяются субъективностью, если не сказать душой. Постепенно не только за вещами, но и за любыми посредниками социального взаимодействия признается статус актора. Признание за языком и абстрактными понятиями акторного статуса приводит к признанию их самостоятельного существования. Абстрактные понятия автономно существуют в рамках сетей и могут соединяться с акторами и выходить из них. Не идея – слуга мыслителя, но мыслитель слуга идеи. Тезис о суверенном существовании коммуникационных медиумов не может не напомнить о средневековом реализме.

- В-пятых, признание человеческого восприятия как априори антропоморфного. Не время и пространство, но человеческий облик

становится трансцендентальной формой чувственности, свойственной всем людям.

- В-шестых, понятие автора, общее для концепций М.Мосса, Р.Харре, В.Подороги и Б.Латура и созвучное понятию Бога. Автор наделяется функцией поддержания наличного мира (Беркли), помощи в познании вещей (Декарт), вдохновению (божественное неистовство Платона), морального воспитания и наделения человеческим обликом (вся христианская теология).

Заключение

Понятие вещи прошло долгий путь концептуализации в философии и социологии, который мы попытались проследить в данной работе. В первой главе было рассмотрено отношение классической метафизики к вещи. Вещь была показана как затруднительный и фальсифицирующий философию феномен. Изменчивость и разнообразие, материальность и хаотичность делают вещь труднодоступной для познания и описания. По своим свойствам вещь оказывается сходной смерти, дьяволу и бессознательному. Более того, вещь является исконно вытесняемым в философии элементом. Лишь забывая

многообразие вещей, философ может произносить глубокомысленную речь. Без вытесненной вещи нет философии, но избыток вытесненного разрушает философию как дисциплину, делает её инертной и нежизнеспособной.

Для восстановления гармонии философской речи целесообразно пересмотреть представления о вещах. В ревизии данного понятия помощь философии может оказать социология. Начиная с рубежа девятнадцатого и двадцатого века в ней появляются первые попытки тематизировать вещественное. Однако они остаются по своей сути метафизическими: понятие общей идеи заменяется на понятие не менее абстрактного общества. Социоцентризм оказывается побочной формой идеализма. Подобно классической метафизике, социология социального как объяснительная модель пропускает индивидуальное и особенное, событийное и моментальное. В результате под дискриптивные схемы не попадает не только вещь, но и личность. Ограничение акторной способности материальных объектов оборачивается ограничением свободы человека.

Попыткой отхода от изначальной метафизической ригидности стала микросоциология, обратившая внимание на мир повседневных взаимодействий. В рамках микросоциологического подхода впервые стали значимы инструменты и контексты обычных действий, а также появилось понятие практики и конструкции, которые в дальнейшем помогут снять субъект-объектную дихотомию и даровать вещам автономный статус актора. Однако и здесь не обошлось без метафизики: радикальный эмпиризм практик делал их излишне обособленными друг от друга. Для их описания их взаимодействия вводилось понятие транспонирования, молчаливо подразумевающее общую структуру восприятия и верховную реальность, которая давала мирам практик сообщаться между собой. Также влияние идей структурализма повлияло на рассмотрение вещей как языкового символа, как

буквы общественного взаимодействия, что было тождественно изначальной метафизической направленности классической социологии.

В АСТ происходит дальнейшая амплификация понятия практики и связанного с ней актора. Способностью действовать наделяются не только вещи, но и медиумы коммуникации, будь то пространство или язык. Самостоятельное существование и активная деятельность абстрактных понятий являются ренессансом философского реализма. По причине расширения количества и качества акторов социология расширяется до размеров науки о сущем, что приводит к необходимости ответа на исконно метафизические вопросы о том, что такое общество, человек и сущность.

Как мы увидели, рассмотрев различные концепции вещественного в рамках науки об обществе, социология не может избавиться от метафизических тенденций в описании, объяснении и предсказании поведения людей и вещи. Метафизика оказывается бессознательным фундаментом любого теоретического осмысления материальной действительности. Однако социологии принадлежит заслуга снятия субъект-объектной дихотомии между людьми и вещами, понимание материи как ограничительного принципа гуманитарной науки и свободы другого человека, а также рассмотрение взаимодействия как диалога, создание концепции говорящей вещи. Говорящая вещь может стать продуктивным познавательным и этическим принципом, заставляющим нас внимательнее относиться к объекту изучения и тем вещам, которые нас окружают, тому миру, в котором мы живем.

Осознание фундаментальной метафизичности социологического мышления может стать базисом продуктивного взаимодействия двух наук, в результате которого философия станет ближе к действительному миру, а социология пополнит свою аксиоматику богатым наследием философской мысли.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Профанации. М.: Гилея, 2014. -- 19-24
2. Агамбен Дж. Что такое диспозитив? - Киев: Дух і Літера, 2012. - с. 13-44.
3. Агамбен Дж. Что современно? // / Дж. Агамбен; [пер. с итал.]. — Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. — С. 45-62.

4. Адорно Т. Жаргон подлинности. К немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. -191 с.
5. Аристотель. Метафизика. // Аристотель. Сочинение в 4 т. Т.1. М., «Мысль», 1976. -- с. 65-67
6. Аристотель, Никомахова этика // Аристотель. Сочинение в четырех томах. Т.4. М., «Мысль», 1983. -- с. 67 - 69
7. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999. -- с.209
8. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 С.
9. Бубер М. Я и ты. // Бубер М. Два образа веры. М.: «АСТ», 2015. – 592 с.
- 10.Ф.Бэкон. Великое восстановление наук. // Ф.Бэкон. Сочинение в двух томах. Т.1. М., «Мысль», 1977. -- с. 59
- 11.Бэкон Ф. Новый Органон. // Ф.Бэкон. Сочинение в двух томах. Т.2. М., «Мысль», 1978. -- с. 18
- 12.Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- 13.Вахштайн В.С. Социология вещей. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. с 7-43, 43-48, 54-118, 118-134, 134-169, 169-199, 199-223, 342-365, 365-390
- 14.Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. -- с. 176-177
- 15.Гегель. Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2008. - с. 112-126
- 16.Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. с. 621
- 17.Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004 -- с. 21
- 18.Гуссерль. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. --с. 24-25

19. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. с. 51, 85, 71-98
20. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: Астрель, 2010. - с. 6-45
21. Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.10. Л.: Наука, 1973. – 522 с.
22. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. -- с.7
23. Дюркгейм Э. Элементарные форма религиозной жизни // Религия и общество. Хрестоматия. М., 1996: С.111-145; 438-441; 469-471.
24. Камю А. Калигула. // Альбер Камю. Сочинения в пяти томах. Т. 1. Харьков: Фолио, 1998. -- с.261-262
25. Камю А. Чума. // Альбер Камю. Сочинения в пяти томах. Т. 2. Харьков: Фолио, 1997. -- с. 374
26. Камю А. Миф о Сизифе. М.: АСТ: Астрель, 2011. -- 31, 36, 164-167
27. Р.Коллинз, Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. -- 251-292
28. Лакан Ж. Семинары. Книга семь. Этика психоанализа. М.: Издательство “Гнозис”, Издательство “Логос”. 2006. -- стр. 234
29. Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006.
30. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. -- с. 105
32. Липский Б.И. Практическая природа истины. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988 -- 85-98
33. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. стр.328
34. Мазин В.А. Введение в Лакана. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2004. — 202 с.
35. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: RELF-book, 1994. -- 368

36. Миллер Г. Тропик рака. М.: Известия, 1990 -- 140 с.
37. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. — 416 с.
38. Мотрошилова Н.Г. История философии: Запад - Россия - Восток. Книга первая: Философия древности и Средневековья: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2012. --с.31, с. 154
39. Оруэлл Дж. 1984. // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет»: Прогресс; Москва; 1989. – 134 с.
40. Памук О. Имя мне – Красный. СПб: Азбука, 2014. – 544 с.
41. Платон. Федон. // Платон. Сочинения в четырех томах. Т.2 / Под общ.ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. 42-67
42. Платон. Парменид // Платон. Сочинения в четырех томах. Т.2 / Под общ.ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 420-21
43. Подорога В.А. «Вопрос о вещи», М.: Грюндриссе, 2016 -- с.19, 31, 140, 257, 266
44. Сартр Ж-П. Тошнота. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 399 с.
45. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис пресс, 2004. с. 46
46. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., «Прогресс», 1977. -- стр. 348-349
47. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: ad Marginem, 1997. – 452 с.
48. Хайдеггер М. Вещь \ \ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
49. Хайдеггер М, Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. с. 41-63
50. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – с.64-177

51. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 192-221
52. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Издательство «Водолей», 1998. – стр. 134
53. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. -- 373.
54. О.В. Хархордин, В.В. Волков. «Теория практик», СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. с. 46-58
55. Эванс Д. Вводный словарь лакановского психоанализа. Харьков, 2014 -- с. 41-42
56. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. Москва: Издательство АСТ: CORPUS. 2015 -- С. 161
57. Эко У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. М.: Слово. 2009 -- стр. 67
58. Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб.: Symposium. 2003 -- стр. 12
59. Эсслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. --527 с.

Электронные ресурсы

60. Вахштайн В.С. Экстраординарные события и их описание. [Электронный ресурс]. URL. <https://postnauka.ru/longreads/5125> (дата обращения 5.05.17)
61. Вульф В., Своя комната. [Электронный ресурс]. URL. <http://womenation.org/woolf-a-room-of-ones-own1> (дата обращения 5.05.17)
62. Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии. URL. http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6142-o-klassicheskoy-i-neklassicheskoy-yepistemologii.html (дата обращения 11.05.17)

63. Маммардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. [Электронный ресурс]. URL. <http://www.rulit.me/books/neobhodimost-sebya-vvedenie-v-filosofiyu-read-29294-1.html> (дата обращения 1.05.17)
64. Фуко М. Ницше. Фрейд. Маркс. [Электронный ресурс]. URL. <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения 3.05.17)
65. Фуко М. Порядок дискурса [Электронный ресурс]. URL. http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_43.htm (дата обращения 7.05.17)
66. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. [Электронный ресурс]. URL. [http://www.vub.ac.be/SOCO/tesa/RENCOM/Callon%20\(1986\)%20Some%20elements%20of%20a%20sociology%20of%20translation.pdf](http://www.vub.ac.be/SOCO/tesa/RENCOM/Callon%20(1986)%20Some%20elements%20of%20a%20sociology%20of%20translation.pdf) (дата обращения 9.05.17)